

конфликт между самосознанием и внешними условиями существования, между самоощущением и «физиономией».

Фуко утверждал, что современная эпоха «изобрела» человека как проблему. Имея в виду все современные гуманитарные науки, он писал, что в них «...появляется человек в его двусмысленном положении познавательного объекта и познающего субъекта...»³⁰. Не является исключением этнология, которая изменением своей «точки зрения» создаёт культурный феномен «этнического человека», человека с мятущейся этничностью³¹. Бывшая наука об этносах всё больше становится наукой об этничности, этнические конфликты из «природы» и с границ между этносами и «культурами» перемещаются внутрь человека, в его сознание и самосознание.

* * *

Как писал в своей монографии «Воображаемые сообщества» английский историк Бенедикт Андерсон, «националистический ряд» был создан «...ещё до появления националистов...»³². Между этими двумя явлениями в процессе нациеконструирования лежит долгий путь. Классическая эпоха вслед за созданием национальных категорий (что включает в себя процедуру их выявления, обсуждения и отбора) формирует национальные институты и национальные государства. Современная эпоха создаёт «этнического человека»: за каждым членом общества закрепляется принадлежность к категории, сначала с помощью переписи и текущей статистики, а потом с помощью паспортной системы и других механизмов персонализации этничности. Впрочем, вопрос о том, как представления превращаются в практики «наказания» и «дисциплины», — это уже особая тема:

Генеалогия среднеазиатских национализмов Surveiller et Punir

³⁰ Фуко М. Слова и вещи. С. 333–334.

³¹ Фуко в «Словах и вещах» писал об этнологии как науке о «других культурах», «народах, лишённых своей истории» и называл её «антинаукой», поскольку она «разрушает» человека (Фуко М. Слова и вещи. С. 394–399). Это можно объяснить тем, что в 1960-е годы «антропологический» акцент этнологии был не очень заметен.

³² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 202.

Глава четвертая

Проблема сартов¹ в русской историографии XIX — первой четверти XX в.

История формирования национализма — одна из самых популярных, если не сказать модных, тем в современном общественном сознании. Ежегодно в мире выходят в свет десятки специальных монографий и сборников, сотни, а то и тысячи, статей, в которых снова и снова ставится вопрос: что такое нация, как глубоко в историю уходят её корни, является ли национализм итогом тысячелетнего развития, либо он оказался востребован и оформился лишь в новейшее время? Все попытки дать простой и однозначный ответ на этот вопрос, несмотря на множество интересных и глубоких исследований, пока не привели к общему согласию среди специалистов.

Настоящая работа предлагает свой, далеко не всеми разделяемый, взгляд на историю формирования наций в Средней Азии. Цель её заключается не в том, чтобы решить все проблемы и осветить все стороны этого процесса, для чего было бы необходимо написать огромный труд. Задача представляется гораздо более скромной — показать возможности нового, непривычного для советской и российской историографии подхода к изучению среднеазиатских наций, ввести читателя в круг новых вопросов и проблем по этой теме.

Этнографические классификации в Российской империи: к постановке проблемы

Средняя Азия, несмотря на немалое количество посвящённых ей работ, до сих пор остаётся во многом terra incognita. По сути дела значительная часть информации по региону, которая могла бы охарактеризовать историю

¹ Некоторые части этого раздела в сокращённом виде были опубликованы в статье «Население Ферганской долины (к становлению этнографической номенклатуры в конце XIX — начале XX века)» в сборнике «Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты» (М., 2004. С. 38–101).

сложения местного населения и его отдельных частей, ещё не введена в научный оборот либо не проанализирована. Однако основная трудность изучения этнографического состава среднеазиатского населения заключается даже не столько в недостатке информации, сколько в методологической или теоретической предвзятости «взгляда» на историю формирования населения, заранее подразумевающим, во-первых, неизменное, обязательное наличие этнических групп (этносов) и этнического самосознания как основных форм подразделения общества, во-вторых, довольно ограниченный набор самих этих этнических групп, число которых уже предопределено в идеологии и устройстве национальных государств современной Средней Азии.

Примеры найти несложно. Современные узбекские историки начинают свой капитальный труд «Туркестан в начале XX века» с такого пояснения: «...В начале XX столетия территория современного Узбекистана входила в состав трёх государственных образований <...>. Наиболее крупным по территории и населению было Туркестанское генерал-губернаторство <...>. Основную преобладающую часть более чем пятиmillionного населения края составляли узбеки, таджики, киргизы, казахи, туркмены и другие коренные народы...»². Откуда такие сведения? Всероссийская перепись 1897 г., о которой я ещё скажу подробнее, приводит совсем другой список «коренных» народов Туркестана: самые многочисленные — киргиз-кайсаки, их около 1 млн. 900 тыс., потом сарты — около 970 тыс., узбеки — около 730 тыс., тюрки — около 400 тыс., таджики — около 350 тыс., туркмены — около 250 тыс., каракиргизы — около 200 тыс.³

Нетрудно предположить, что данные переписи были подвергнуты ревизии и переписыванию в соответствии с более поздними представлениями. Немецкий историк А. Каппелер в книге «Россия — многонациональная империя» пишет, что в Средней Азии «...родовая или региональная идентичность, религия и образ жизни (кочевой или оседлый) были важнее, чем этнические и языковые критерии <...>. Многозначны и подвержены изменениям были также отдельные этнонимы, так что обратная проекция

² Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 9, прим. 1.

³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXXIII. Самаркандская область. СПб., 1905. С. 48–49; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXXII. Закаспийская область. СПб., 1904. С. 54–55; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXXV. Семиреченская область. СПб., 1905. С. 52–53; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXXVI. Сырдарьинская область. СПб., 1905. С. 56–57; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXXIX. Ферганская область. СПб., 1904. С. 60–61.

нынешних наименований народов может ввести в заблуждение...»⁴. Но в том же самом разделе его книги можно найти и другое утверждение — что последствием договорённостей между русскими и англичанами о сферах влияния в Средней Азии «...было то, что туркмены, таджики, узбеки и киргизы оказались в различных государствах, границы между которыми расчленили каждый из этих этносов...»⁵. Остаётся только гадать, что подразумевает Каппелер, говоря в последней цитате о таджиках, узбеках и пр., — реальные этнические сообщества, либо всё-таки «проекции нынешних наименований», и если последнее, то можно ли всерьёз говорить о «расчленённых» народах.

Большинство современных учёных, а вслед за ними и специалисты других жанров — журналисты, писатели, политологи, смотрят на историю региона как историю «узбеков», «таджиков», «кыргызов», являющихся «титутельными народами» соответствующих государств Средней Азии и некоторого числа «нетитутельных народов», имеющих «свои» национальные территории за пределами региона (уйгуры, евреи, арабы, калмыки и др.) или общепризнанных меньшинств (цыгане). Эти «этносы» рождаются, растут, вступают в какие-то отношения между собой, воюют, торгуют, господствуют, покоряются. Между тем, методологически более правильно было бы проводить исследование этнографического состава местного населения одновременно с изучением истории представлений об этом этнографическом составе. Когда и каким образом возникли нынешние национальные классификации, как и кем они обсуждались, как и почему менялся смысл тех этнических имён, которые сегодня кажутся такими привычными и понятными, — вот вопросы, без ответов на которые любые «этногенетические» рассуждения превращаются в ангажированные спекуляции.

Одним из наиболее важных источников по истории формирования населения Средней Азии могла бы стать местная письменная традиция. Однако она, к сожалению, за редким исключением⁶, пока очень мало доступна востоковедам. Тщательный анализ такого рода источника — дело будущего. Тем не менее из имеющихся данных следует, что до прихода русских в 1860–70-е гг. (в Бухарском эмирате эта ситуация сохранялась до 1920-х гг., т. е. ещё 50–60 лет) этническое самосознание не было известно населению региона. Повседневные стратегии поведения и интересы

⁴ Каппелер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1996. С. 142.

⁵ Там же. С. 145.

⁶ Из последних работ см., например: Бейсембиев Т. К. «Та'рихи-и Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата, 1987; фон Кюгельген А. Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2004.

людей, а значит и их идентичности, основывались на сословных («белая» и «чёрная кость»), религиозных (сунниты, шииты и исмаилиты, принадлежность к различным суфийским братствам), хозяйственно-культурных (оседлое, кочевое и полукочевое, горное), региональных (бухарцы, самаркандцы, ходжентцы, дарвазцы и др.), родственных, родо-племенных и прочих делениях — я перечислил в совершенно произвольном порядке. В каждом государственном образовании (ханстве, эмирате) и просто в каждой большой области (бекстве, шахстве) была своя собственная номенклатура и иерархия статусных позиций или категорий, на которые делилось население. Человек и группа людей, перемещаясь в другой культурно-исторический регион, расставались с прежними иерархиями и номенклатурами и легко принимали новые. Такая пластичность самосознания диктовалась жизненной необходимостью: в достаточно экстремальных условиях (скудность ресурсов для выживания, постоянные войны и миграции и т. д.) любой человек и любая группа должны были использовать механизмы, с помощью которых они могли искать более могущественных патронов, принимать их покровительство и находить, или менять, своё место в политических и военных союзах.

Первые попытки систематизированной классификации для жителей Средней Азии появились лишь с началом тесного дипломатического, а потом и военного общения местных государств с европейскими державами — Россией и Великобританией. С их помощью «Запад» сначала пытался понять логику поведения и развития «Востока», а потом объяснял себе, почему эти земли, населённые «нецивилизованными» народами и управляемые «деспотичными» властителями, обязаны ему подчиниться. В 1860–1880-е гг. территория между Сырдарьёй и Амударьёй перешла под полный контроль Российской империи⁷. Средняя Азия окончательно превратилась в географическую и административную периферию одной из могучих европейских империй. Военное завоевание открыло дорогу «концептуальному завоеванию»: вслед за дипломатами, военными и чиновниками на азиатские окраины устремились статистики, этнографы, лингвисты и антропологи, главным оружием которых была технология производства классификаций, обоснования, обсуждения и отбора категорий именования местных жителей. Новые подданные, с точки зрения российской власти, должны были подвергнуться внимательному изучению и в зависимости от его результатов занять ту или иную символическую нишу в имперском пространстве и колониальной иерархии.

⁷ Из трёх ханств — Кокандского, Бухарского и Хивинского — первое было ликвидировано и вошло в состав России, второе и третье стали российскими протекторатами с довольно ограниченной внутренней автономией.

Наиболее популярной была «племенная» классификация⁸, которая соединяла в себе одновременно и языковой, и культурный, и расовый, и религиозный элементы. В ней сначала в зачаточном виде, а потом и всё более и более явно проступал взгляд на население Средней Азии не как единое целое, а как совокупность национальных и преднациональных («этнических», как мы сегодня говорим) сообществ и групп. Русские учёные выбирали из местных самоназваний те, которые, по их мнению, обозначают какие-то реальные культурно-языковые единицы, и создавали из них единую для всего региона номенклатуру «народностей». Этот взгляд со временем становился доминирующим в имперском видении и определяющим для тех политических стратегий, которые выстраивались антиколониальными и реформаторскими «туземными» силами.

Тот факт, что западные европейские империи, к числу которых можно отнести и Российскую империю, искусственно привнесли понятие «нации» и «национальности» в свои азиатские колонии, давно уже является темой для исторических и этнографических штудий. Об этом писал, в частности, Б. Андерсон, который проследил переход от периода колониализма к современному национализму в книге «Воображаемые сообщества»⁹. Во втором издании этой книги, вышедшем в 1991 г. (первое издание появилось в 1983 г. и сразу стало знаменитым), Андерсон писал, имея в виду империи и антиимперские национализмы: «...государство, словно в зловещем пророческом сновидении, вообразило своих локальных противников ещё задолго до того, как они обрели своё историческое существование...»¹⁰. Анти-националистическое государство, какой была империя, само приложило усилия к созданию «грамматики национализмов», которая потом была использована колониальными элитами для борьбы с ним. Этот парадокс Андерсон объясняет тем, что у империи был «особый стиль представления своих владений», в основе которого лежала «тотализирующая классификационная разметка». «...Всё было разграниченным, определённым и, следовательно, исчислимым <...>, — утверждал

⁸ В XIX в. по отношению к среднеазиатским народам чаще всего в литературе использовалось понятие «племя» в значении обособленной и неразвитой этнографической единицы. Синонимами к нему были слова «народность», «народ», «национальность». В начале XX в. понятие «национальность» постепенно стало вытеснять другие термины. Об употреблении некоторых из этих терминов см.: *Knight N. Ethnicity, Nationality and the Masses: Narodnost' and Modernity in Imperial Russia // Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices / Ed. by D. L. Hoffmann and Y. Kotsonis. London: St. Martin's Press, Inc., New York Macmillan Press Ltd, 2000.*

⁹ *Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001 (см.: Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso Press, 1983.*

¹⁰ Там же. С. 24.

британский историк, — Частное всегда выступало как временной представитель ряда, и обращаться с ним следовало соответственно. Поэтому колониальное государство вообразило китайский ряд раньше, чем китайца¹¹, а националистический ряд — ещё до появления националистов...»¹².

Инструментами такого имперского воображения, согласно Андерсону, были перепись населения, картография и музейное дело, которым он посвятил новую главу «Перепись, карта и музей» в своей переизданной книге. В ней есть, например, ссылка на исследования по поводу переписей в Малайзии, где «...образцы “категорий идентичностей” <...> показывают необыкновенно быстрый и с виду произвольный ряд изменений, в котором эти категории постоянно соединяются воедино, распадаются на части, заново комбинируются, смешиваются друг с другом и перегруппируются...»¹³. Автор отметил, что у колониальных чиновников была «...нетерпимость к множественным, политически “трансвеститным”, неясным и изменчивым идентификациям <...>. Замысел переписи состоит в том, чтобы каждый в неё попал и имел в ней одно — и только одно — абсолютно ясное место. И никаких дробей...»¹⁴. Андерсон писал: «...По мере роста колониального государства и умножения числа его функций эта новая демографическая топография всё глубже социально и институционально укоренялась. Руководствуясь собственной воображаемой картой, государство организовывало новые образовательные, юридические, здравоохранительные, полицейские и иммиграционные бюрократии, и все они строились по принципу этно-расовых иерархий...»¹⁵.

Истоки современных среднеазиатских наций и национализмов, таким образом, надо искать вовсе не в тысячелетней древности, а в сравнительно недавней, если верить Андерсону, истории. Их вообразила и дала им импульс к жизни Российская империя. Придерживаясь этой концепции, я попытаюсь показать в настоящей главе, каким образом благодаря России формировались национальные классификации и категоризации («грамматика национализмов») в Средней Азии. Речь пойдёт о русской историографии, тех сдвигах в представлениях российских учёных и чиновников, которые происходили в XIX — начале XX вв., а также об истории создания той этнографической номенклатуры, которая стала позднее основой для государственных экспериментов в сфере нациестроительства в начале 1920-х гг., о чём тоже будет сказано в настоящей работе.

¹¹ Андерсон приводит пример, когда чиновники голландской Ост-Индской компании использовали имя «*chipezen*» (китайцы) для обозначения культурно разнородного торгового класса в прибрежной полосе Юго-Восточной Азии (Андерсон Б. Воображаемые сообщества. С. 184–185)

¹² Там же. 202.

¹³ Там же. С. 181.

¹⁴ Там же. С. 183.

¹⁵ Там же. С. 186–187.

Почему сарты?

В центре моего внимания находится так называемая проблема сартов. Почему именно сарты?

Причин несколько. Во-первых, этот термин в современной этнографической номенклатуре Средней Азии совершенно отсутствует, несмотря на то, что ещё сто тому назад им обозначалась значительная часть населения региона и, безусловно, существовало при всех сомнениях признание его — в том числе, по-видимому, и со стороны тех, кого сартами называли, — в качестве самоназвания. Слово «сарты» было в ходу у населения и у администрации на протяжении почти 60 лет, пока Туркестан был колонией России, но в течение нескольких раннесоветских лет — с 1917 по 1926 гг. — оно исчезло из словаря политиков, учёных и простых людей¹⁶.

Большинство других названий из дореволюционного списка среднеазиатских народов сумели преодолеть разнообразные политические перипетии и социальные катаклизмы, что до сих пор создаёт и укрепляет некоторую иллюзию их естественности, укоренённости в истории региона. Термин же «сарт», отвергнутый и выброшенный из этнографической классификации, воспринимается как нечто искусственное и навязанное империей.

«Проблема сартов», таким образом, лучше других позволяет взглянуть на тему взаимоотношения Российской империи и её азиатской окраины с точки зрения того, как формировалось и функционировало колониальное знание, как это знание использовалось чиновниками для управления и какие метаморфозы это знание испытало в эпоху крушения империи.

Во-вторых, длившиеся десятки лет жаркие споры о содержании термина «сарт» дают самый широкий спектр интерпретаций и подходов. Анализ всех этих разных точек зрения позволит увидеть максимально объёмно те концептуальные поиски, сдвиги и одновременно застои, которые имели место в русском общественном сознании в XIX и начале XX вв.

В-третьих, «проблема сартов» представляет не только отвлечённо-теоретический интерес. В сегодняшней Средней Азии вокруг неё ведётся довольно ожесточённая борьба за историческое прошлое региона, за его культурные символы, за наследие, которые оставили после себя предшествующие поколения учёных, писателей, политических деятелей. Это и борьба между разными национальными элитами, каждая из которых стремится «приватизировать» и переписать историю в пользу своей нации. Это и борьба между постсоветскими идеологиями «независимости» и постимперской ностальгией. Это, наконец, борьба между большими

¹⁶ Этнографы и сегодня фиксируют употребление термина «сарт» в среднеазиатском быту. Его используют и в качестве обозначения определённого слоя людей, и в качестве самоназвания. Но в целом это не очень массовое явление.

геополитическими проектами, которые хотят присвоить себе право интерпретировать прошлое Средней Азии.

«Сарты», наряду с другими темами, оказались в центре пересечений различных научных и политических интересов. Как когда-то в середине XIX в. или на рубеже XIX–XX вв., о чём я буду говорить в своей главе, вновь развернулась дискуссия о том, кто такие сарты¹⁷. Образовавшаяся таким образом, благодаря сартам, связь между прошлым и настоящим позволяет нам острее задуматься о том, как сегодня мы говорим о нации и национализме и какие уроки мы берём из истории¹⁸.

Почему «проблема сартов»?

Как я уже отметил, в российской историографии не было единого понимания, кто такие сарты. Одни считали их отдельным народом, другие отрицали это. Третьи называли сартов иранским «племенем», четвёртые — «тюркским».

Подобная противоречивость была обусловлена неопределённостью самого самосознания и самообозначения того населения, которое являлось объектом научного описания, а также неясностью тех подходов и критериев, которые использовала российская (и европейская) этнография в XIX в.¹⁹ Последнее обстоятельство имеет для истории обсуждения «про-

¹⁷ Среди западных исследователей эту тему поднимают в своих работах I. Baldauf, J. Schoeberlein-Engel, A. Khalid, D. Brower, A. Haugen и другие. Среди тех, кто одним из первых обратился к сартам, был бывший советский историк Ю. Брегель, мигрировавший в США (см.: *Bregel Yu. The Sarts in the Khanate of Khiva // Journal of Asian History. Vol. 12, № 2. 1978*). Среди российских исследователей на эту тему подробно писала О. Бронникова (см.: *Бронникова О. М. Сарты в этнической истории Средней Азии (к постановке проблемы) // Этнос и этнические процессы. Памяти Р. Ф. Итса. М., 1993; Бронникова О. М. Проблемы этнического самосознания и межэтнические отношения населения Ферганской долины // Межнациональные отношения в условиях социальной нестабильности. СПб., 1994*). См. также дискуссию в журналах «Этнографическое обозрение» (2005, № 1) и «Ab Imperio» (2005, № 4).

¹⁸ Меньше всего я хотел бы быть понятым так, будто настоящее моё исследование — это призыв «отдать» сартов таджикам, «закрепить» их за узбеками или вернуть им самостоятельное существование. Такой вывод противоречил бы всей — совершенно аполитичной — логике главы, в которой я изучаю многозначность термина «сарт» и противоречивость суждений о нём.

¹⁹ *Brower D. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London and New York: RoutledgeCurzon, 2003. P. 51 (или Brower D. Islam and Ethnicity: Russian Colonial Policy in Turkestan // Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / D. Brower and E. Lazzarini Eds. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 128–129)*. Существует и ещё одна — довольно экзотическая — точка

блемы сартов» важное значение. В зависимости от того, какие признаки рассматривались научным сообществом в качестве главных для определения «народности», сарты могли оказаться «иранцами», «тюрками», самостоятельным народом, либо вовсе исчезнуть с этнографической карты Средней Азии. Между тем число и предпочтительный порядок такого рода этнографических признаков — особенно в эпоху, когда наука сама только делала первые шаги в обретении своего особого, «научного» метода, — были предметом споров и часто дилетантских упражнений²⁰.

Чтобы понять суть возникшей «проблемы сартов», надо вспомнить, что на роль главного национального признака в XIX в. претендовали по меньшей мере три характеристики — язык, внешний (антропологический) облик и образ жизни (включая обычаи, верования, психологию). Какое-то время считалось, что они должны находиться между собой в определённой устойчивой взаимосвязи и в совокупности определять лицо той или иной народности.

Первый опыт общения русских (и западных) исследователей со среднеазиатским населением, как поначалу казалось, подтверждал такой подход. Поездки дипломатических миссий в Бухару и Хиву в первой половине XIX в., расспросы бухарских и хивинских торговцев убеждали, что двумя крупнейшими народами Средней Азии являются узбеки и таджики²¹. Первые говорят на тюркском языке, имеют монголоидный вид и ведут кочевой образ жизни (или во всяком случае недавно его вели). Вторые говорят по-ирански, внешне похожи на европейцев, издревле занимаются земледелием и ремёслами. Всё это достаточно точно вписывалось в тогдашние представления об истории Среднего Востока, о древних персидских государствах, о переселении народов и монгольском завоевании.

Я не буду обсуждать здесь вопрос о том, как сформировалась первая этнографическая классификация, в центре которой находились узбеки и таджики. Это интересная и самостоятельная тема для анализа. Могу лишь указать на то, что учёные, которые создали эту классификацию, сами,

зрения, согласно которой российские политики и исследователи хорошо знали «этнонимы», которые позднее стали официальными названиями народов, но из-за «великодержавно-шовинистического отношения к нерусским народам» специально не хотели называть их подлинными именами (*Исхаков Ф. Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917 гг.)*. Ташкент, 1997. С. 19, прим. 1).

²⁰ *Слѣзкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские учёные XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005*. См. также: *Куприянов П. С. Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004, № 2*. Вопрос о «признаках» нации продолжает обсуждаться и в XX, и в начале XXI вв. и вряд ли когда-нибудь будет решён.

²¹ См.: *Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства*. СПб., 1843; *Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару*. М., 1975.

безусловно, сильно упрощали реальность, втискивая противоречивые факты в уже готовую, удобную схему²². В их построениях была хорошо видна логика бинарных оппозиций, сводящей многообразие переходных и смешанных черт к двум противоположным этнографическим полюсам²³. Собранные и вновь собираемые факты лишь подгонялись к этой модели, а её истинность, подкреплённая авторитетом известных востоковедов, никем не ставилась под сомнение.

Во второй половине XIX в. ситуация принципиально изменилась. В 1853 г. российские войска захватили Ак-мечеть (ныне Кзыл-Орда), северный форпост кокандских владений, в 1865 г. был взят штурмом Ташкент и образована Туркестанская область в составе Оренбургского генерал-губернаторства. В 1866 г. русские вошли в Ходжент, а в 1867 г. Туркестанская область была преобразована в Туркестанский край. В 1868 г. был захвачен Самарканд, в 1870 г. разгромлена бухарская армия, в 1873 г. нанесено поражение хивинскому хану, в 1875 г. завоёвана Ферганская долина. Если раньше Россия смотрела на регион издали глазами путешественников и дипломатов, то теперь Россия оказалась в самой Средней Азии и увидела то, что со стороны выглядело несущественным и незаметным.

Очень быстро обнаружилось, что оппозиция между «узбеками» и «таджиками» за пределами Бухары «не работает», да и сами эти термины часто не очень популярны и имеют разное толкование. Выяснилось также, что этнографические признаки, которые так удачно соответствовали друг другу в схеме «узбеки / таджики», в действительности существуют в самых разнообразных комбинациях. Значительная часть населения Средней Азии, живущая в окрестностях Ташкента и в Фергане, говорит преимущественно на тюркском языке, но при этом не имеет ярко выраженной монголоидности и привержена исключительно осёдлому быту. Наиболее употребительное общее название для них — сарты²⁴.

²² См. Главу 3.

²³ Я, разумеется, не утверждаю, что такая противоположность между узбеками и таджиками была полной выдумкой. Возможно, однако, что эта оппозиция более или менее отчётливо проявила себя именно в Бухаре на рубеже XVIII–XIX вв., когда местная элита разделилась на две «партии» — узбекских аристократов и бывших рабов из числа персов. Впрочем, это лишь гипотеза, на которой я не настаиваю.

²⁴ Слово «сарт» было знакомо русским исследователям ещё с XVIII в. Например, ещё в 1796 г. И. Г. Георги писал, что «...Жители обеих в Башкирии находящихся Бухарских волостей называются как сами, так и от тамошних приказных мест, Сартами; под словом же сим разуметь надобно караванами путешествующих купцов...» (Георги И. Г. Описание обитающих, в Российском государстве, народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть 2. О народах татарского племени. СПб., 1796. С. 74).

Эти новые данные заставили исследователей пересмотреть прежние взгляды и задуматься, какие из названных признаков являются основными в формировании народа. Если образ жизни, обычаи, психология и внешний облик — то сартов нужно отнести к «иранским» народностям. Если язык — то их нужно включить в число «тюркских» племён. Если же все признаки считать равноценными, то сартов можно назвать отдельным народом со своей оригинальной, пусть и смешанной по происхождению, культурой. Именно так начиная с середины XIX в. выглядела «проблема сартов» и именно в этих концептуальных рамках данная тема дискутировалась.

Сарты как административная единица

Прежде чем перейти непосредственно к научным спорам, я постараюсь кратко ответить на вопрос: выполнял ли термин «сарт» административную функцию в системе управления туркестанской колонией?

Вряд ли — и я говорил об этом выше — подлежит сомнению тот бесспорный факт, что имперское завоевание и имперское правление нуждалось в знании о покоряемых странах и народах. Военное подчинение происходило одновременно с «концептуальным». Знание могло быть систематизированным и хаотичным, научным и художественным, вербальным и зрительным, но в любом своём виде оно прямо или косвенно служило империи. В это знание входили и этнографические классификации, которые упорядочивали представления о местном населении, помещали его в какую-то заданную картину мира, объясняли, в чём особенности этого населения и как оно развивается.

Сказанное, тем не менее, не означает, что этнографические имена, которые присваивали местному населению русские учёные и чиновники, являлись исключительно орудием господства и что любые рассуждения о классификации среднеазиатских племён имели ту или иную корыстную цель. Не означает это также и того, что этнографические имена и классификации использовались (или умышленно не использовались) непосредственно в административном и правовом устройстве колоний²⁵.

²⁵ Напомню, ещё недавно советский историк З. Д. Кастельская писала: «...Искусственно раздробив Туркестан на уезды и области, они [«русские колонизаторы» — С. А.] объединили в них представителей различных народов и натравливали эти народы один на другой. Эта искусственная национальная раздробленность была выгодна царизму, так как препятствовала всякому самостоятельному национальному развитию...» (Кастельская З. Д. Из истории Туркестанского края (1865–1917). М., 1980. С. 33). Похожий взгляд на связь между властью и знанием можно увидеть в утверждении западного историка Д. Брауэра, который пишет о политике первого туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана: «...Этническая должна была стать служанкой его колониального правления...» (Brower D. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. P. 46).

С точки зрения общеимперской официальной и неофициальной классификации все «туземные» жители Средней Азии принадлежали к числу «инородцев», т. е. к людям «иного рода», к «чужим». Этого ярлыка было достаточно, чтобы описать то подчинённое место, которое они занимали в иерархии народов России, и те ограниченные права, которые они имели и на которые могли претендовать²⁶. Смысл термина «инородцы» не был однозначным и постепенно менялся вместе с расширением империи и трансформацией имперской политики по отношению к своим окраинам. Но при этом с его помощью поддерживались более или менее стабильные и ясные административно-правовые границы между «своими» и «чужими».

Вместе с тем, политика империи в разных регионах нуждалась в том, чтобы различать внутри «инородцев» разные, в том числе этнографические, группы с разными особенностями. Эта потребность имела часто локальный и ведомственный характер.

В 1867 г. было принято временное Положение об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей, согласно которому население вновь образованного Туркестанского края подразделялось на две части — сартов и киргизов²⁷. Первые, как считалось, ведут оседлый образ жизни, вторые — кочевой. Для каждой части власть предусмотрела свою особую систему самоуправления (сельские общества у сартов, аулы и волости у киргизов), свой суд (суд казиев для сартов, суд биев для киргизов), у каждой была установлена своя система владения и пользования землёй, своя система налогообложения. Такое «этнографическое» устройство колонии имело вполне рациональное обоснование — управление оседлыми жителями и кочевниками должно было различаться в силу очевидной специфики их хозяйственного быта. Это деление на сартов и киргизов имело и ещё один важный аспект, помимо технологического. Разделяя две эти категории, русские чиновники полагали, что таким образом они формируют два отдельных культурных пространства, в одном из которых господствует ислам, в другом — неисламские обычаи. В первом стратегической целью империи было поддержание стабильности и воспитание лояльности, во втором — возможная в каком-то отдалённом будущем христианизация и ассимиляция²⁸.

²⁶ О термине «инородцы» см.: Соколовский С. В. Образы Других в российской науке, политике и праве. М., 2001. С. 41–82, 83–101; *Слокум Дж. У.* Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии.* М., 2005.

²⁷ В своей работе я употребляю слово «киргиз» в том значении (или тех значениях), в котором оно употреблялось в русской и раннесоветской историографии в XVIII–XIX и начале XX вв. В случаях, где это будет необходимо, я буду пояснять, идёт ли речь о кочевниках вообще, современных «казахах» либо современных «кыргызах».

²⁸ Я не буду вдаваться в детали исламской политики в Российской империи. Это тема для отдельного исследования. Подробнее об этом см.: *Арапов Д. Ю.* Система

Очень быстро, однако, выяснилось, что сам по себе «этнографический признак», включающий в себя язык и антропологический вид, не всегда соответствует хозяйственным реалиям и религиозным предпочтениям. В частности, киргизы могли заниматься земледелием, тогда как закон обязывал облагать их «кибиточной податью», а не земледельческим налогом. Ничто не говорило и том, что киргизские подданные готовы легко отказаться от своей мусульманской веры.

В Положении об управлении Туркестанского края, которое было принято в 1886 г., слова «сарты» и «киргизы» были исключены из текста, а вместо них даны более общие определения — «оседлое туземное население» и «кочевое население». Деление на сартов и киргизов перестало быть официальным. Однако два этих термина прочно закрепились в бюрократическом словаре русских чиновников и вообще всех тех, кто особенно не желал вникать в тонкости этнографических различий у местного населения. Все, кто живёт осёдло, занимается земледелием и ремёслами, — сарты. Все, кто кочует, — киргизы. Такая простенькая схема более или менее точно схватывала основные черты среднеазиатского населения и соответствовала склонности учёных и чиновников рисовать картину окружающего мира при помощи бинарной модели²⁹.

Некоторая полуофициальность термина «сарт» привносила в него более или менее явный оттенок имперского пренебрежения к завоёванному и подчинённому населению. Литературный и зрительный образ «сарта» нередко ассоциировался в сознании обывателя империи с отсталостью, неразвитостью, «восточными» чертами характера и поведения, экзотикой. Эти стереотипы часто подкреплялись воспоминаниями чиновников, рассказами путешественников и даже претендующими на научность исследованиями. Но было бы неверно приписывать всякому употреблению самого слова «сарт» сознательное стремление унижить туркестанских жителей. Многие использовали это слово в нейтральном смысле и даже не отдавали себе отчёта, что оно указывает на превосходство какой-то одной группы

государственного регулирования ислама в российской империи (последняя треть XVIII — начало XX вв.). М., 2004.

²⁹ Забегая немного вперёд скажу, что и в раннесоветское время похожая схема по-прежнему владела умами исследователей. Русский чиновник (бывший губернатор Самаркандской области) и учёный довольно прогрессивных взглядов Н. С. Лыкошин в 1920 г. эту бинарную оппозицию рассматривал с точки зрения пригодности к определённому виду военной службы: кочевники, по его мнению, годились в кавалерию, в команды разведчиков, в конную и полевую артиллерию, тогда как оседлое население, в том числе сарты, могли служить в подразделениях связи, в постоянных караулах и постах, в сапёрных частях (*Лыкошин Н. С.* Народности Туркестана как военный материал // *Военная мысль.* Кн. 1. сентябрь 1920. С. 38–46).

населения над другой или как-то задевает носящего это имя³⁰. В научной дискуссии тем более преобладала совершенно бесстрастная манера использования термина «сарт» и солидные исследователи всячески старались реабилитировать вполне благородную его этимологию.

Сарты как таджики

Итак, обратимся теперь к научным дебатам. На Третьем международном конгрессе ориенталистов, который состоялся в 1876 г. в Санкт-Петербурге, одна из тем для обсуждения была сформулирована следующим образом: «...Насколько можно проследить в исторических памятниках народные имена Сарт и Таджик, и какие заключения можно вывести из показаний этих памятников относительно первоначального и последовательного значений сих имён?...»³¹. Поставленный востоковедами вопрос указывает на то направление, в котором наука первоначально пыталась решить «проблему сартов». В середине XIX в. среди большинства специалистов по Средней Азии имелось согласие, что сарты — это таджики или, по крайней мере, родственная им народность, поскольку те и другие были совершенно неразличимы внешне и вели один образ жизни³². Средневековые письменные источники также называли сартами ираноязычное население³³. В то же самое время этот тезис не был полностью очевидным из-за тюркского

³⁰ В этой связи я опять забегаю вперёд и напомним о любопытном эпизоде на заседании секретного IV совещания ЦК РКП(б) в 1923 г., где обсуждались дела национальных окраин. Л. Троцкий по привычке говорил о сартах, но его поправили, и он сделал такое заявление: «...В своей речи я по неведению употребил слово сарт, а не узбек, не зная, что слово сарт считается унижительным. Прошу исправить в протоколах. Троцкий...» (Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Стенографический отчёт секретного IV совещания ЦК РКП(б), 1923 г. М., 1992. С. 17).

³¹ Третий международный конгресс ориенталистов в Санкт-Петербурге // Известия Императорского Русского географического общества (далее ИРГО). Т. 12. Вып. 4. СПб., 1876. С. 26.

³² На Антропологической выставке, организованной в Москве в 1879 г., «сарты» как отдельная народность не были представлены. В фотографической коллекции, представленной и самаркандскими исследователями, и туркестанским генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом, главными народностями были «таджики» и «узбеки» (Антропологическая выставка 1879 года. Т. 3. Ч. 1. Фотографический отдел. М., 1879. С. 3). Среди манекенов на выставке «туркестанские племена» представляли фигуры «таджика (сарта), богатого купца» и «таджички (богатой сартянки)» (Антропологическая выставка 1879 года. Т. 3. Ч. 1. Отдел манекенов, бюстов и масок. М., 1879. С. 3).

³³ См.: *Бабур-наме*. Записки Бабур. Пер. М. Салье. Ташкент, 1993. С. 30, 31. Первое издание «Бабур-наме» появилось на русском языке в 1857 г.

языка большинства современных сартов, поэтому приходилось обсуждать признаки, которые сближают сартов и таджиков.

На стороне тех, кто поддерживал эту точку зрения, были влиятельные европейские исследователи, сочинения которых были переведены на русский язык. Английский путешественник А. Борнс, который в 1830-е гг. побывал в Средней Азии, писал, что таджики и сарты — это одно и то же³⁴. Известный учёный из Австро-Венгрии А. Вамбери, который посетил Бухару, переодевшись в мусульманина, также писал в своей книге: «...слово сарт можно основательно принять за турецкое название таджика. Правда, узбеки иногда полагают разницу между сартом и таджиком, разумея под таджиками людей, только в недавнее время поселившихся между узбеками и вполне сохранивших своё иранское наречие, преимущественно бухарцев, а под сартами — уже давно осевших жителей, по большей части перебивших свой родной язык на турецкие, например, как мы видим это во всей Хиве и в северной части Коканда...»³⁵.

Проблему, которую заметил Вамбери, прекрасно осознавали и русские исследователи. В статье «Сарты, или таджики, главное оседлое население Туркестанской области» (1867) туркестанский военный чиновник Ю. Д. Южаков, имея в виду все среднеазиатские города, писал, что здесь живут «сарты, или таджики»³⁶. При этом автор говорил о разногласиях в трактовке понятия «сарты» и определении их «племенной» принадлежности. Он привёл мнение, согласно которому сарты и таджики «...не одно и то же племя, а два отдельные племени...»: те, кто говорит по-персидски, являются таджиками, а те, кто говорит «смесью тюркского и персидского», — сарты. Соглашаясь с этим наблюдением, Южаков, тем не менее, полагал, что оно не «не может служить основанием тому, что сарты и таджики не одно и то же племя»³⁷. Южаков ссылаясь на то, что сарты тоже в прошлом говорили по-персидски, кроме того они походят «друг на друга как по типу лица, так и по характеру и по образу жизни»³⁸.

Очевидно, что с точки зрения Южакова вопрос о том, на каком языке говорят сарты, не имел решающего значения. Вслед за Вамбери

³⁴ *Борнс А.* Путешествие в Бухару. Рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчёт о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы Александром Борнсом, членом королевского общества. Л., 1849. Часть 3. С. 370.

³⁵ *Вамбери А.* Очерки Средней Азии. М., 1868. С. 322.

³⁶ *Южаков Ю. Д.* Сарты или таджики, главное оседлое население Туркестанской области // Отечественные записки. Книжка Вторая, № 13 (июль). СПб., 1867. С. 398.

³⁷ Там же. С. 399.

³⁸ Там же. С. 400.

он признавал, что их наречие тюркское, но не видел в этом основного признака для их характеристики. Гораздо более существенным был тот факт, что таджики и сарты ведут оседлый образ жизни и антропологически схожи между собой.

Русского исследователя больше языка волновал вопрос о том, какими психологическими чертами обладают сарты и как эти черты возникли. Южаков начал свою статью в «Отечественных записках» с такого вступления: «...Предание говорит, что сарты происходят от джугутов (евреев), персов и какого-то народа мог³⁹, который совсем исчез. Кто хоть немного знаком с сартами, тот уже готов поверить, что они действительно происходят от евреев. По страшной алчности к деньгам, по скряжеству, они превзойдут и евреев. По своим манерам, по тону разговора, по трусости, по мелочности интересов, и полному отсутствию политического такта — они совершенно евреи...»⁴⁰. Такого рода негативные и произвольные характеристики сартов появлялись в русской литературе с завидным постоянством, создавая непривлекательный образ покорённого населения и тем самым ставя его в приниженное и опекаемое положение. Я бы обратил в данном случае внимание на сравнение сартов с евреями. Южакову, который писал о сартах как любитель, явно не хватало авторитетных научных средств для подтверждения своих наблюдений, поэтому задачу добиться убедительности он решил с помощью специфического приёма — перенесения стереотипов, каким может быть «племя», с одного, уже сложившегося образа (и такую роль выполняли «евреи») на другой, менее очевидный.

О сартах как о таджиках писал в середине XIX в. другой военный и одновременно учёный-любитель — А. П. Хорошхин. Он утверждал, например, что жители Ташкента «в большинстве своём таджики», которые «утратили свой природный язык»⁴¹. Как и Южаков, Хорошхин в качестве главного признака «племени» рассматривал не столько язык, сколько образ жизни (оседлый) и психологические характеристики. В специальной статье «Народы Средней Азии» (1874), не преследуя «никаких специально-учёных целей», он писал: «...Население Туркестанского края <...> разделяется на те две народности, которые мы находим теперь в Самарканде и его окрестностях, а именно: 1) на оседлую таджикскую <...>, 2) совершенно самостоятельную, полукочевую народность, узбекскую, которая, в свою очередь, также имела сильное влияние на таджиков, превратив часть их в сартов, оседлый народ таджикского происхождения, но говорящий

³⁹ Мог, или муг, — мифический народ, который населял Среднюю Азию до прихода арабов.

⁴⁰ Южаков Ю. Д. Сарты или таджики. С. 398–399.

⁴¹ Сборник статей касающихся до Туркестанского края А. П. Хорошхина. СПб., 1876. С. 226.

узбекским языком...»⁴². Дальше в статье автор пытался отличить узбеков от таджиков, но при этом указывал на то, что в реальности эти отличия очень относительны и трудно различимы: «...чтобы правильно сортировать здешние народности, нужен крайне опытный глаз, а филологу, кроме того, ещё и тонкое ухо, потому что и узбек хорошо говорит по-таджикски, и таджик-горожанин или с ближайших горных склонов, в огромном большинстве, отлично знает узбекскую речь...»⁴³.

Другой автор, и опять туркестанский военный, — А. Д. Гребенкин — написал, используя самаркандско-зеравшанские материалы, два очерка с весьма характерным для того времени противопоставлением — «Таджики» и «Узбеки» (1872)⁴⁴. Сартов Гребенкин однозначно включил в число таджиков: «...Таджики имеют в Зеравшанском округе три названия: общее — «таджик», частное для выходцев из Мерва — «тад» и бранное «сарт»...»⁴⁵. По его словам, сами узбеки говорят: «таджика мы называем таджиком, когда едим с ним, а сартом — когда браним его»⁴⁶.

Впрочем, рассказ Гребенкина при более внимательном прочтении выглядит довольно противоречивым. Он, например, говорил о таджиках, что они «могут быть отнесены к двум, весьма характерным группам»: «...В одной из них преобладает [!! — С. А.] кровь узбекская; в другой кровь остальных народностей Средней Азии. Кроме того, одна группа отличается от другой языком и местом жительства, т. е. первая группа живёт по преимуществу в деревнях и говорит преимущественно на узбекском

⁴² Хорошхин А. Народы Средней Азии // Материалы для статистики Туркестанского края (далее МСТК). Вып. 3. СПб., 1874. С. 314.

⁴³ Там же. С. 320. Такого рода «аномалии» Хорошхин увидел, например, в некоторых кишлаках по северному склону Нуратинских гор, жители которых говорили по-таджикски, но называли себя узбеками (Хорошхин А. По северному склону Нуратинских гор (Из походного дневника) // Туркестанские ведомости (далее ТВ). 19 июня 1872, № 24). Кстати говоря, практически все исследователи того времени замечали то, что реальное положение дел — соотношение языка, антропологического вида и самоназвания — не вполне соответствует принятым представлениям. Так, в 1876 г. Н. А. Маев при описании Гиссарского края и Кулябского бекства отметил, что в городах «...узбеки перемешались с таджиками так, что провести какую-либо разграничивающую черту между ними — положительно невозможно...» (Маев Н. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства // Известия ИРГО. Т. 12. Вып. 4. СПб., 1876. С. 358).

⁴⁴ Гребенкин А. Д. Узбеки. Таджики // Русский Туркестан. Сборник изданный по поводу политехнической выставки. Вып. 2. М., 1872. Очерки Гребенкина получили широкую известность и пользовались в 1870–1880-е гг. большим успехом. Они были использованы, например, в популярном издании: Среднеазиатские народы. Таджики // Природа и люди. СПб., ноябрь 1880; Среднеазиатские народы. Узбеки // Природа и люди. СПб., декабрь 1880.

⁴⁵ Гребенкин А. Д. Таджики... С. 1.

⁴⁶ Там же. С. 2.

языке, вторая же имеет местом жительства преимущественно города и говорит преимущественно на персидском наречии...»⁴⁷. Таджики с «преобладающей» узбекской «кровью» — это, по меньшей мере, сомнительные таджики. Да и узбеки, часть которых «приняла в себя кровь разных народов Средней Азии», не выглядели в описании автора однородной массой. «...Мы знаем примеры, — писал Гребенкин, — когда узбека скорее можно было бы принять за таджика, нежели за узбека...»⁴⁸.

Из общего ряда тех, кто объединял сартов с таджиками, выбивался, пожалуй, военный чиновник Л. Н. Соболев. В работе «Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе» (1874) он писал, что «...Узбек всегда остаётся узбеком, лишь в городах, в коих преобладает население таджиков, он несколько видоизменяется и превращается в сарта...»⁴⁹. Эти слова можно понять так, что Соболев скорее признавал сартов за узбеков, нежели таджиков. Впрочем, при этом автор добавлял в примечании: «...Сарт не есть особое племя, как то пытались многие доказать. Сартом называется безразлично и узбек и таджик, живущие в городе и занимающиеся торговлею. Это род мещанства [!! — С. А.], сословие, но не племя...»⁵⁰.

Сарты как оседлые жители

Имя «сарт» своей неопределённостью путает исследователей — этой позиции придерживались многие представители российской науки. Они же указывали на то обстоятельство, что этим термином чаще характеризуются бытовые особенности оседлого населения в целом, нежели черты какого-то отдельного «племени»⁵¹.

В 1869 г. в отчёте о своей работе в Зеравшанской долине учёный-натуралист А. П. Федченко писал: население региона «...по преимуществу

⁴⁷ Гребенкин А. Д. Таджики... С. 6.

⁴⁸ Там же. С. 54.

⁴⁹ Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе // Записки ИРГО по отделению статистики. Т. 4. СПб., 1874. С. 298–299.

⁵⁰ Там же. С. 299, прим. 1.

⁵¹ Из нашего поля зрения часто выпадает устная дискуссия по этому поводу, которая велась на заседаниях разного рода научных обществ и в столицах, и в самом Туркестане. Свидетельства этих обсуждений встречаются редко. Так, в 1870 г. на заседании Среднеазиатского учёного общества обсуждалась записка А. В. Буняковского о заселении Средней Азии. Там же возник спор о сартах. В архивах осталось свидетельство, что А. Л. Кун доказывал несостоятельность мнения о существовании народности «сарт». По его мнению, это нарицательное имя, означающее торгового человека (Лукин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX в. Ташкент, 1962. С. 75–76).

оседлое и состоит из двух элементов: племён тюркской расы и племён иранской расы <...>. Обращаюсь к главным элементам населения. Таджики, принадлежащие к иранской расе, составляют первобытных жителей страны и до сих пор ещё хорошо сохранили свой тип. Последнее нужно сказать особенно про жителей горных долин, так называемых горных таджиков <...>. Жители долин, напротив, смешались с позднее пришедшими сюда узбеками, народом тюркского племени, резко отличающимися от таджиков своим внешним типом. Узбеки покорили таджиков и сделались господствующею, по значению, частью населения, хотя и приняли от таджиков религию и образ жизни, передав им свой язык, в который, однако, вошло много иранских элементов...»⁵². Между двумя крайностями — иранским и тюркским типами — находится «масса метисов самых разнообразных степеней»⁵³. По мнению Федченко, «...Слово “сарт”, которым русские называют сплошь всё здешнее население, не имеет у туземцев какого-либо политического, этнографического или антропологического значения, а служит только для означения жителей городских и вообще оседлых...»⁵⁴.

Схожую позицию отстаивал военный эксперт Генерального штаба Л. Ф. Костенко, который сам служил в Средней Азии. В 1871 г. в книге «Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности» он поделил «главнейшие отрасли народонаселения Турана» на две группы: «племена иранские» и «племена тюркские»⁵⁵. К первым он отнёс таджиков («аборигенов края»), персидское происхождение которых заметно «...во 1-ых, в чертах лица, а во 2-х, в языке...», ко вторым — узбеков⁵⁶.

Костенко специально остановился на различиях между узбеками и таджиками, увязав эту тему с «сартовским вопросом». Он подчеркнул, что «...Несмотря на разнообразие племён, населяющих Среднюю Азию,

⁵² Федченко А. П. Первый отчёт туркестанской учёной экспедиции // А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. М., 1950. С. 65.

⁵³ Там же. С. 66.

⁵⁴ Там же. С. 65–66. Явно не любил и избегал употребления термина «сарт» востоковед-тюрколог, будущий академик В. В. Радлов. Правда, своё отношение он нигде не прокомментировал. Лишь в очерке «Население Южной Сибири и Дзунгарии» (издан на немецком языке в 1883 г.) Радлов в числе «татар» Русского Туркестана упомянул сартов, которые по своему типу «...сильно отличаются от остального тюркского населения Средней Азии и внешне очень похожи на персоязычных таджиков...» и есть «...не что иное, как тюркизированные персидские аборигены Турана...» (Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989. С. 102). Эта констатация вряд ли могла вызвать возражения, но и не проясняла вопроса о том, куда, в какую графу этнографической классификации, следует поместить сартов.

⁵⁵ Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871. С. 45–46.

⁵⁶ Там же. С. 46, 47–51.

различие их более всего обуславливается образом жизни; в этом отношении разделение туземцев на оседлых и кочевников для нас наиболее важно, чем разделение на племена...»⁵⁷. Костенко говорил о смешении тюрков и иранцев, «...при этом смешении тип и язык остались наиболее заметными чертами, могущими служить руководною нитью при распознавании племён. Что же касается до образа жизни и характера, то эти данные настолько общи всему оседлому населению Средней Азии, что сбивали с толку и продолжают сбивать и до сих пор всех наблюдателей туркестанских племён...»⁵⁸. Именно последнее обстоятельство, по мнению автора, приводит к тому, что «некоторые русские наблюдатели» ошибочно приписывают жителям Ташкента и всех городов правее реки Сырдарья — которых называют «сартами» — «иранское происхождение», имея в виду схожесть их образа жизни с таджиками Самарканда и Бухары. Сам Костенко пришёл к выводу, что слово «сарт» не является местным наименованием таджиков⁵⁹.

Костенко был убеждён, что «сарт» — это название горожан и торговцев, в противоположность кочевнику и даже земледельцу. Он ссылаясь на самоназвания самого населения: в Ходженде «...спрошенный вами обыватель о том, кто он: сарт или таджик? ответит, что он и сарт (по роду жизни), и таджик (по происхождению)...»⁶⁰. При этом севернее от Сырдарьи, например, в Ташкенте, местное население отрицает, что они таджики, и даже не всегда соглашается с названием «сарт», «...а определит себя просто ташкенлык (т. е. ташкентцем)...»⁶¹. Правда, в Ташкенте также могут знать персидский язык, так как ему обучают в школе и «...большинство узбеков, и вообще не таджиков, выучиваются по персидски и, следовательно, могут понимать таджиков...»⁶². К этому автор добавил: «...Вообще следует сказать, что различие между разными оседлыми племенами Средней Азии является менее резким, нежели между оседлыми и кочевыми племенами. Вот почему между городскими таджиками и узбеками гораздо более общего, чем между узбеками оседлыми и кочевыми...»⁶³.

Позднее, в 1880 г., Костенко пытался классифицировать местное население, комбинируя антропологические и языковые признаки. В книге «Туркестанский край» он писал, что в Средней Азии существует две расы — «кавказская (белая)» и «монгольская (жёлтая)». Первая делится на две ветви: «арийская (индо-арийская)», включая таджиков, и «семитическая». Вторая делится на «алтайскую (тюрко-татарскую)» и «монголь-

⁵⁷ Костенко Л. Ф. Средняя Азия. С. 54.

⁵⁸ Там же. С. 78.

⁵⁹ Там же. С. 79.

⁶⁰ Там же. С. 79.

⁶¹ Там же. С. 79–80.

⁶² Там же. С. 80.

⁶³ Там же. С. 80.

скую» ветви⁶⁴. Кроме народов, принадлежащих к этим расам, Костенко назвал «помеси разных народностей», к которым относятся, в частности, сарты. О сартах он писал, что «...Племена сартов нет <...>. Сартами называются: 1) таджики <...>; 2) ошевшие узбеки, татары, киргизы и разные народности, происшедшие от взаимного их смешения <...>; 3) таранчи...» («...таранчи — это суть сарты, населяющие оседлые пункты Кульджинского края...»)⁶⁵. При этом быт и психологию Костенко описывал только применительно к киргизам и сартам, т. е. кочевым и оседлым группам, как бы объединяя в них с точки зрения образа жизни все многочисленные «племена»⁶⁶.

В целом в 1870–1880-х гг. для исследования и обсуждения «проблемы сартов» была характерна некоторая непоследовательность и противоречивость формулировок. Многие авторы колебались между разными точками зрения и не решались давать окончательную оценку. Эту черту особенно ярко демонстрирует очерк о среднеазиатских народах в популярной серии Э. Реклю «Земля и люди. Всеобщая география» (1883)⁶⁷. Хотя это был компилятивный труд, влияние такого рода сочинений на формирование у широкого круга читателей представлений о Средней Азии было гораздо более существенным, чем воздействие оригинальных исследований, доступных только узкому кругу специалистов. Поэтому остановимся на этом очерке чуть подробнее⁶⁸.

Реклю подразделял местное население на две расы — «туранскую» и «арийскую». К первой он отнёс «нацию узбеков», подчеркнув, что «...имя узбеков, как господствующего класса, естественно, составляло предмет честолюбия для всякого и потому национальность их увеличивалась большей частью людей смешанной крови...», прежде всего за счёт «иранского элемента»⁶⁹. Особенно автор подчёркивал отличие узбеков от «иранцев» (таджиков): узбеки более «просты» и «честны», это наиболее «искренний и страстный элемент» в Средней Азии; «...с первого взгляда легко отличить изящного и грациозного таджика от мешковатого, неуклюжего узбека...»⁷⁰.

⁶⁴ Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Т. I. СПб., 1880. С. 352.

⁶⁵ Там же. С. 352.

⁶⁶ Там же. С. 338–351, 352–375.

⁶⁷ Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. Т. 6. Азиатская Россия и средне-азиатские ханства. СПб., 1883. С. 327–346.

⁶⁸ Точку зрения Реклю, наравне с мнениями известных исследователей, принимал во внимание Н. П. Остроумов (см. также: Туркестан. Составили офицеры старшего курса Николаевской академии Генерального штаба по лекциям адъютант-профессора М. Литвинова в 1882–1883 г. СПб., 1883. С. 15–16).

⁶⁹ Реклю Э. Земля и люди. С. 341.

⁷⁰ Там же. С. 345.

О сартах Реклю писал, что они «...составляют смешанную рассу, как и узбеки, но иранский элемент в них преобладает...», впрочем, это имя часто «...употребляется для обозначения не особой национальности, а класса, отличающегося родом занятий и правами...»⁷¹. Сартами могут называть всё «гражданское население» Туркестана, включая таджиков, узбеков и киргизов, «покинувших бродячую жизнь», и даже цыган-мазанг (оседлых — в отличие от кочевых цыган-люли), а также «курам» (курама), т.е. «людей всякого рода и племени», поселившихся в пригородных деревнях и вокруг большого города. Сарты, как полагал Реклю, увеличиваются в числе быстрее, чем другие народности, и «...этот народ или класс, несомненно, имеет будущее...»⁷². Причём автор усматривал прежде всего «всё большее и большее» сближение сартов с узбеками, а не таджиками и «во многих местах» слияние их «в одну нацию»⁷³.

Реклю, таким образом, демонстрировал подчёркнуто двойственную позицию: сарты у него были то «классом», то отдельным «народом», то он писал, что «иранский элемент» в них преобладает, то утверждал, что они сближаются с узбеками. Окончательное решение было оставлено на будущее.

Наливкин против Миддендорфа

Точка зрения о родстве сартов с таджиками принималась не всеми исследователями единодушно. Среди специалистов появились те, кто оспаривал этот вывод. Споры по данному вопросу приобрели довольно ожесточённый характер.

Приехавший в 1877 г. в Фергану академик А. Ф. фон Миддендорф писал в книге «Очерки Ферганской долины» (1882) о «двух противоположных человеческих типах» — «иранском» и «монгольском» — и о преобладании «помесей разнообразнейшего рода»⁷⁴. Он говорил, что термины «таджик» и «сарт» употребляет «как равнозначущие»: «...земледельцы преимущественно называются таджиками, а городские жители, главнейше занимающиеся другими промыслами <...>, носят название сартов. Но так как горожанин считается знатнее крестьянина, так как занятия не строго различаются, деревня и город переходят друг в друга, то нередко сам таджик, говоря с европейцем, зовёт себя сартом...»⁷⁵. Поскольку, как наблюдал Миддендорф, слово «сарт» становилось всё более распространённым как обозначения городского и сельского населения Ферганы, название

⁷¹ Реклю Э. Земля и люди. С. 343.

⁷² Там же. С. 344.

⁷³ Там же. С. 343.

⁷⁴ Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С. 368.

⁷⁵ Там же. С. 395.

«таджик» делалось «исключительным этнографическим синонимом “туркестанского иранца”», т.е. горных иранцев⁷⁶.

Этнографический раздел книги Миддендорфа был написан в форме дискуссии с книгой французско-венгерского учёного Уйфальви (Ужфальви), который посетил Фергану годом раньше и издал свои исследования на французском языке.

В серии «Французская научная экспедиция в Россию, в Сибирь и в Туркестан» Уйфальви опубликовал, в частности, «Антропологический атлас народов Ферганы» (1879 г.), в котором перечислил 11 местных народов (peuple)⁷⁷. Одним из них являются сарты. По мнению Уйфальви, они «...являются узбеками, ставшими иранцами по своему типу, но сохранившими свой язык и смешавшиеся с аборигенами; иногда это также аборигены-иранцы, которые смешались с завоевателями и приняли их язык...»; в свою очередь, говоря об узбеках, автор подчеркнул, что те превращаются в сартов⁷⁸. В книге «Кухистан, Фергана и Кульджа» (1878 г.) Уйфальви добавил, что «...В Туркестане всех оседлых и городских жителей, за исключением таджиков, называют сартами, без различия происхождения...»; «...Термин сарты не является, таким образом, этническим термином. Однако в Фергане слово сарты представляет расу смешанного происхождения...», которая «...обнаруживает некоторые характерные особенности...»; узбеки мало чем «физически» отличаются от сартов (но характер «более честный и более свободолобивый») — Уйфальви полагает, что, когда русская власть установится, «все узбеки Ферганы превратятся в сартов»⁷⁹. Другими словами, французско-венгерский специалист ближе всех к сартам поставил узбеков, а не таджиков.

Миддендорф категорически не согласился с мнением Уйфальви о том, что сарты и таджики — разные народы, говорят на разных языках и отличаются внешне. Миддендорф признал, что «турецкий язык» уже «сделался господствующим»⁸⁰. Но язык, как видно из его рассуждений, не является

⁷⁶ Там же. С. 395.

⁷⁷ Таджики, сарты, узбеки, каракалпаки, кипчаки, кашгарцы, турук (турк), курама, каракиргизы, цыгане-люли и мазанг, евреи.

⁷⁸ *De Ujfalvy de Mezö-Kövesd Ch. E. Expedition scientifique française en Russie, en Sibirie et dans le Turkestan.* [Vol. 4.] Atlas anthropologique des peuples du Ferghanah. Paris, 1879. P. 7–10.

⁷⁹ *De Ujfalvy de Mezö-Kövesd Ch. E. Expedition scientifique française en Russie, en Sibirie et dans le Turkestan.* [Vol. 1.] Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja avec un appendice sur la Kashgarie. Paris, 1878. P. 60–71.

⁸⁰ Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины. С. 403–404. В 1881 г. другой исследователь, Д. Л. Иванов, рецензируя разделы книги упомянутого выше Уйфальви, посвящённые Фергане, и пересказывая его слова о том, что сарт говорит только по-тюркски и ничего не понимает по-персидски, писал: «...Трудно найти

признаком, определяющим народность. Миддендорф подчёркивал прежде всего антропологическое сходство двух этих групп и близость их образов жизни. С его точки зрения, таджики — это «исходный иранский тип» они не являются «смешанным народом»⁸¹ (особенно разновидность таджиков — гальча (горные таджики) — «чистейший тип древне-иранских аборигенов»⁸²). Что касается сартов, то «в этнографическом смысле» это «помесь (большею частью близко подходящая к таджикскому типу) монгольской крови, в особенности же крови узбекской...»⁸³. Миддендорф отметил, что словом «сарт» называют и просто «оседлого жителя» (в том числе осевшего узбека или киргиза — «без смещения рас!»), а поэтому «...Сарт — название неудачное, могущее легко повести к недоразумениям, а потому его следовало бы вычеркнуть из этнографического словаря...»⁸⁴.

Об узбеках Миддендорф писал как о «смешанном народе», но отрицал существование «узбеков с таджикским типом», хотя признавал, что узбеки смешивались с иранцами и становились сартами («...Можно ли среди сартов отличить узбекского сарта от киргизского — это надлежит решить будущим исследованиям. Кипчакские сарты, которых я видел <...>

такого сарта, который безукоризненно не говорил бы по-таджикски. Торговля и промышленные сношения сартов обязывают их знать оба языка, а смешанный состав городского населения помогает этому отлично. Помогает ещё и то, что таджик неохотно изучает тюркское наречие и многие из них не умеют говорить иначе, как по-своему, т.е. персидским наречием...» (*Иванов Д.* Библиографические заметки... // Туркестанские ведомости (далее ТВ). 17 марта 1881, № 11).

⁸¹ Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины. С. 398.

⁸² Там же. С. 397. Особенно занимали Миддендорфа, вслед за Уйфальви, сообщения о «белокурых» гальча, в чём тогдашние учёные видели признаки «арийства» (Там же. С. 397–398). О значении «арийских теорий» в исследованиях западных и российских востоковедов XIX в. см.: *Ларюэль М.* Умозрительная Центральная Азия: поиски прародины арийцев в России и на Западе // Вестник Евразии. 2003, № 4 (23).

⁸³ Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины. С. 409. В 1891 г. появилась работа В. И. Кушелевского «Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области» (*Кушелевский В. И.* Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Т. 2. Новый Маргелан, 1891. С. 120). Он не мог обойти своим вниманием сартов, которых он назвал «интересной народностью». Его вывод был следующий: «...Собственно говоря, современные сарты не составляют отдельной расы, это не что иное, как дериват народностей арийских и тюрко-монгольских. Одни антропологические и этнологические признаки говорят за принадлежность сартов к иранскому племени, другие же — к тюркскому, хотя, бесспорно, арийские элементы преобладают над тюркскими...» (Там же. С. 149). Назвав сартов «смешанным, но определённым типом», Кушелевский заметил, что теперь сартами именуются «вообще оседлые жители», в том числе потомки китайцев (Там же. С. 152–153).

⁸⁴ Там же. С. 409.

не представляли ничего особенного...», т.е. у них преобладал тот же иранский тип⁸⁵). По его мнению, «...узбеки, киргиз-кайсаки, кара-киргизы и кипчаки словно слились в одно целое, из которого невозможно выделить составных частей...», а различие их имеет теперь только «историко-политическое значение»⁸⁶. В конце своего этнографического очерка Миддендорф с похвалой упомянул «здравый взгляд дилетанта», противопоставив ему «мельком проносающегося этнографа» (Уйфальви?), и призвал организовать специальную экспедицию в Фергану, включив в неё лингвиста и биолога-этнографа.

Этнографические штудии именитого эксперта из Санкт-Петербурга вызвали критику со стороны местного молодого исследователя В. П. Наливкина, который к тому времени успел хорошо ознакомиться с местными реалиями благодаря длительному проживанию в Фергане непосредственно среди «туземного» населения⁸⁷. Его удивили, в частности, слова академика об «узбеках киргизского происхождения». В специальной рецензии, изданной в 1883 г. в газете «Туркестанские ведомости», Наливкин возразил, что это всё равно что «славяне польского происхождения»: «...Большая часть населения большей же части существующих городов и селений Ферганы состоит не из таджиков, как, по-видимому, думает г. Миддендорф, а из сартов-узбеков, которые суть не иранцы, как полагает г. Миддендорф, а тоже “узбеки киргизского”, т.е. мингского, найманского, багышского, каракалпакского и др. “происхождения”, осевшие, частью смешавшиеся с аборигенами-таджиками...»⁸⁸. Эту мысль Наливкин повторил несколько раз («...Автор опять-таки забывает, что киргизы, кипчаки, ногаи и другие суть узбекские роды...»), критикуя Миддендорфа за равнозначное употребление терминов «сарт» и «таджик» и повторяя, что сами жители Ферганы, за редким исключением, называют себя узбеками⁸⁹. В той же рецензии Наливкин заметил, что «...под именем сарты туземцы разумеют всех вообще исконных и издавна осевших земледельцев и промышленников...», а «...представления автора о том, что такое таджик и что такое сарт, совершенно неясны и крайне сбивчивы...»⁹⁰.

⁸⁵ Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины. С. 409.

⁸⁶ Там же. С. 408.

⁸⁷ Подробнее о биографии Наливкина см.: *Лунин Б. В.* Владимир Петрович Наливкин // Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки. Ташкент, 1974; *Лукашова Н. В.* П. Наливкин: еще одна замечательная жизнь // Вестник Евразии. 1999, № 1–2 (6–7).

⁸⁸ *Наливкин В.* По поводу книги А. Ф. Миддендорфа // ТВ. 20 сентября 1883, № 37.

⁸⁹ *Наливкин В.* По поводу книги А. Ф. Миддендорфа // ТВ. 27 сентября 1883, № 38.

⁹⁰ Там же.

Как видно, Наливкин отрицал родство между сартами и таджиками и предпочёл записать сартов — по крайней мере в Ферганской долине — в число узбеков.

Эту точку зрения Наливкин отстаивал и в своих последующих работах. В его монографии «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» (1886) говорилось, что «...В расовом или племенном отношении оседлое население Ферганы, носящее общее название сартов, состоит из узбеков (или тюрков) и таджиков...», вся разница между которыми «только в одном языке», тогда как «религия, образ жизни, привычки и обычаи» совпадают⁹¹. При этом он указывал: «...В пределах Ферганы в численном отношении сарты-узбеки [потомки осевших кочевников. — С. А.] значительно преобладают над таджиками...»⁹².

Ту же классификацию Наливкин повторил в книге «Краткая история Кокандского ханства» (1886): сарты, т.е. «оседлое население», подразделяются на сартов-узбеков («тюркского племени») и сартов-таджиков («иранского племени»), к оседлому населению он отнёс также цыган, индусов и евреев⁹³. Узбеки, по мнению автора, делятся на «три бытовых типа» — кочевников (киргизы), полукочевников (кипчаки, каракалпаки) и оседлых (сарты)⁹⁴. В этой книге Наливкин предположил, что сарты — это одно из узбекских племён, которое осело раньше всех, после чего данное имя распространилось на всех оседающих узбеков, а потом и на всё оседлое население (узбеков и таджиков)⁹⁵. Надо сказать, что это предположение было встречено весьма скептически другими востоковедами.

Работы Наливкина, одного из лучших знатоков истории и этнографии Средней Азии, были серьёзной попыткой создать новую этнографическую классификацию среднеазиатского населения, комбинируя признаки «образ жизни» и «язык». Однако признать её непротиворечивой нельзя. Автор смешивал разные термины и не пояснял, как они соотносятся друг с другом. Ставя фактически знак равенства между сартами и узбеками, Наливкин в то же время упоминал сартов-таджиков и не спешил отказываться от названия «сарт». Он также расширительно толковал термин «узбек».

⁹¹ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. С. 15–16.

⁹² Там же. С. 15.

⁹³ Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. 3.

⁹⁴ Там же. С. 19.

⁹⁵ Там же. С. 32–33. Во второй половине XIX в. существовала ещё одна, довольно экзотическая, версия происхождения имени «сарты»: в 1872 г. в статье на немецком языке «Русский Туркестан» известный российский востоковед П. И. Лерх предположил, что оно восходит к греческому названию реки Сырдарья — Яксарт — и обозначало не какое-то племя, а оседлое население среднего и нижнего течения этой реки (точка зрения Лерха подробно изложена в работах Н. П. Остроумова и А. Шишова).

Сводя их происхождение к кочевым монголам, Наливкин относил к узбекам и «казаков» (т. е. казахов), и «каракалпаков», и «кыргызов», и «найманов», и «багыш»⁹⁶. К узбекам он отнёс и племя «тюрк», у которых, как сам же заметил, нет монгольских корней. Наливкин не видел в этом большой проблемы — «...тип народности вырабатывается под влиянием географических и бытовых условий...» — и добавлял, что эта разница не больше, чем разница между северными и южными русскими⁹⁷. В этой детали обнаружилась одна особенность рассуждений Наливкина, отличавшая его от многих других исследователей, — отсутствие ссылок на антропологические измерения, которым он предпочитал указание на язык и собственное мнение «туземцев». Последнее обстоятельство сыграло определённую роль в дальнейшей судьбе этого замечательного исследователя, о чём я скажу позже.

Сарты как отдельный народ?

Неудовлетворённость точкой зрения о родстве сартов с таджиками породила ещё одно направление в дискуссии об этой группе среднеазиатского населения. Некоторые специалисты всё чаще называли сартов самостоятельной народностью смешанного происхождения. Поначалу эта была почти неосознанная фигура речи, которую исследователи не всегда чётко артикулировали и аргументировали.

П. И. Пашино, на которого была возложена «обязанность» (по поручению Русского географического общества) изучить вопрос о «происхождении сартов», в своих путевых заметках «Туркестанский край в 1866 году» (1868) писал: «...Тип сарта и характер его с первого знакомства говорят за его арийское происхождение. Конечно, можно встретить в Туркестанской области много личностей, именующих себя сартами и носящих самый несомненный отпечаток монгольского происхождения. Но такое обстоятельство не должно противоречить моему доводу о происхождении сартов...»⁹⁸. Появление у сартов монгольских черт Пашино объяснял их браками с татарскими, киргизскими (т. е. казахскими и кыргызскими) и кипчакскими девушками. Сами же сарты, как предположил автор, являются потомками персидских переселенцев времён Чингисхана, «...Что сарты персидского происхождения, в этом отчасти убеждает нас то, что многие из них знают персидский язык...»⁹⁹.

⁹⁶ Забавно уже то, что найманы и племя багыш считаются подразделениями кыргызов, но Наливкин называет их наравне с кыргызами.

⁹⁷ Там же. С. 12.

⁹⁸ Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки П. И. Пашино. СПб., 1868. С. 167.

⁹⁹ Там же. С. 167. Бухарские сарты говорят по-персидски, а кокандские — на «джагатайском» (чагатайском) «наречии тюркского языка».

Вместе с тем Пашино не был согласен полностью отождествлять сартов с таджиками. Заочно дискутируя со своими оппонентами, он писал: некоторые исследователи «...смешивают сартов с таджиками и говорят, что сарт и таджик — одно и то же. Действительно, между таджиками и сартами есть много общего, так как оба эти народа арийского происхождения...»¹⁰⁰, но таджики Туркестанской области — это «кровные персы», бывшие рабы, которых сюда недавно переселили, тогда как «персидское» происхождение сартов — «предположение гадательное». В качестве дополнительного аргумента автор ссылаясь на самосознание: сарт «очень оскорбился бы, если бы его назвали таджиком», поскольку считает таджика рабом и «в душе» шиитом, т. е. почти неверным¹⁰¹. Поэтому Пашино был «скорее согласен» признать сартов «за особый народ арийского происхождения», чем смешивать их с таджиками.

В 1872 г. в работе «О пространстве и населении Туркестанского края» А. В. Буняковский по поводу сартов писал: «...Сартовская народность, образовавшаяся из помеси тюрков и узбеков с таджиками, в вышеупомянутых уездах сформировалась в отдельную народность и уже заметно отличается по типу и характеру от тех и других...»¹⁰². При этом Буняковский указал, что узбеки называют сартами жителей городов, принадлежащих «одинаково к таджикской и узбекской расе». Он отметил также, что идёт процесс слияния таджиков «с узбеками и другими тюркскими племенами» и этот процесс представляет «много фазисов слияния»¹⁰³.

Очень противоречивую картину нарисовал М. А. Терентьев. В труде «Статистические очерки Среднеазиатской России» (1874) он выделил две «народности» — таджиков («аборигенов») и киргизов, или узбеков («завоевателей»)¹⁰⁴. Терентьев писал, что «...Из слияния этих двух народов явился новый тип — сарты. По многочисленности их, по развитию, а главное, по силе и характерности сложившегося типа на сартов нельзя смотреть иначе, как на особую народность...»¹⁰⁵. При этом автор утверждал, что «...Сарты ближе к таджикам и в некоторых местностях ничем от них не отличаются и даже называют себя безразлично то тем, то другим именем...»¹⁰⁶. В то же время, по мнению Терентьева, в Сырдарьинской области сарты «...причисляются к одному с киргизами тюркскому пле-

мени...» (хотя сами киргизы от такого «родства» отказываются, несмотря на общий язык)¹⁰⁷.

Упомяну в этом ряду ещё одного исследователя — Д. И. Эварницкого. В статье «К вопросу о народности и значении слова сарт» (1892), поблуждав, как он сам выразился, в «лабиринте мнений», Эварницкий сделал такой вывод: «...Относительно национальности сартов нужно сказать, что это народ несомненно иранского происхождения, хотя и с примесью, и то сравнительно более позднего времени, тюрко-монгольского элемента <...> это истинный сын арийского племени <...> язык сартов тюркский, но отличающийся от узбекского и киргизского...»¹⁰⁸.

«Сарты» Остроумова

Краткое и очень невнятно сформулированное обоснование в пользу самостоятельности сартов как народности развил и превратил во влиятельную, если не сказать ведущую, концепцию Н. П. Остроумов¹⁰⁹.

В 1884 г. Остроумов опубликовал серию статей в «Туркестанских ведомостях» под названием «Значение слова "сарт"». Отмечая противоречивость различных мнений о сартах, он писал: «...вопрос этот настолько специален и сложен, что обстоятельное разрешение его требовало бы совместного труда этнолога, филолога и историка...». Автор провёл тщательный анализ имеющейся к тому времени литературы по теме и посчитал твёрдо установленными следующие факты: 1) сарты — это древнее название; 2) в «этимологическом отношении» этот термин означает вообще «оседлого жителя Туркестана, в отличие от кочевников»; 3) в «этнографическом отношении» «сарты представляют смешанный, но определённый тип», чертой которого является тюркский язык; 4) сартов нельзя путать с таджиками («коренными иранцами», которые говорят на персидском языке); 5) «...Как тип смешанный, сарты и в характере своём имеют резкие и противоречивые черты, на что должны обратить внимание будущие этнографы края...»; 6) ничего ругательного в слове «сарт» нет (хотя кочевники используют его с пренебрежительным оттенком). Закончил свои рассуждения Остро-

¹⁰⁰ Туркестанский край. С. 168–169.

¹⁰¹ Там же. С. 169.

¹⁰² Буняковский А. В. О пространстве и населении Туркестанского края // МСТК. Вып. I. СПб., 1872. С. 128.

¹⁰³ Там же. С. 129.

¹⁰⁴ Терентьев М. А. Статистические очерки Среднеазиатской России // Записки ИРГО по отделению статистики. Т. 4. СПб., 1874. С. 72.

¹⁰⁵ Там же. С. 72.

¹⁰⁶ Там же. С. 73.

¹⁰⁷ Терентьев М. А. Статистические очерки Среднеазиатской России... С. 76.

¹⁰⁸ Эварницкий Д. И. К вопросу о народности и значении слова сарт // ТВ. 3 ноября 1892, № 44. См. также: Эварницкий Д. И. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях. Ташкент, 1893. С. 128.

¹⁰⁹ Закончив Казанскую духовную академию, с 1877 г. Н. П. Остроумов жил в Туркестане, был инспектором народных училищ, директором учительской семинарии, директором мужской классической гимназии, с 1883 г. был редактором «Туркестанской туземной газеты». См. о нём подробнее: Лунин Б. В. Николай Петрович Остроумов // Историография общественных наук в Узбекистане.

умов так: «...Несомненно, что сарты отличаются как от персов, так и от тюрко-монголов <...>. Задача современного этнографа Средней Азии по отношению к сартам в том и должна состоять, по нашему мнению, чтобы точно определить их физические особенности и объяснить противоречивые черты их характера...»¹¹⁰.

В рассуждениях Остроумова обращают на себя внимание несколько тезисов. Во-первых, он отделяет этимологию слова «сарт» от собственно этнографической характеристики группы, которая этим именем называется. Сартом могут называть любого оседлого жителя, признаёт исследователь, но это не отменяет того факта, что существует население с определёнными чертами образа жизни, со своим языком и психологическим портретом, и у этого населения только одно общее имя — сарты. Смотри в будущее, утверждал Остроумов, и даже подталкивая с помощью «просвещения» эту неоформленную массу к осознанию себя единым целым, вполне можно рассчитывать, что она превратится в полноценный народ. Таким несколько демагогичным способом автор дал ответ тем, кто не видел в термине «сарт» нужды и предлагал исключить его из этнографического словаря. Замечу, к слову, что это была логика национальных проектов в 1920-е гг., о чём я скажу дальше, и в этом смысле Остроумова можно назвать одним из прямых создателей среднеазиатских национализмов.

Во-вторых, исследовантель настойчиво стремится подчеркнуть то обстоятельство, что сарты — народ смешанного происхождения, т.е. не иранцы и не турки. Больше не надо спорить о том, являются ли сарты на самом деле таджиками, или их надо отнести к одному из подразделений тюркской общности. Признаки — тюркский язык и оседлый образ жизни — не противостоят друг другу, а взаимодействуют и образуют новый народ, не таджиков и не узбеков. Нельзя также не заметить, что у этого, на первый взгляд, сугубо этнографического утверждения существовал более широкий — политический — контекст. Ещё в середине XIX в. преподаватель Казанской духовной академии и очень влиятельный консервативный мыслитель Н. И. Ильминский сформулировал точку зрения, согласно которой формирование широкой исламско-татарской общности представляет серьёзное препятствие на пути к интеграции или даже ассимиляции нерусского населения Поволжья в общерусскую народность¹¹¹. К этому добавились страхи перед появлением в Российской империи «внутреннего врага», поддерживающего одного из основных внешних соперников России — Османскую империю. В числе способов противодействия формированию исламско-татарской общности Ильминский рассматривал

¹¹⁰ Остроумов Н. Значение названия «сарт» // ТВ. 17 июля 1884 (№ 28); 24 июля 1884 (№ 29); 31 июля 1884 (№ 30); 7 августа 1884 (№ 31).

¹¹¹ См.: Миллер А. Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье // *Ab Imperio*. 2003, № 3.

поддержку разного рода локальных идентичностей, акцентирование их нетюркских и неисламских элементов. Возможно, Остроумов, будучи учеником и единомышленником Ильминского, придерживался примерно той же позиции в Туркестане¹¹².

В 1890 г. Остроумов опубликовал 1-й выпуск книги «Сарты», которая детализировала идеи, высказанные в статье 1884 г.¹¹³ Эта книга выдержала ещё два издания — в 1896 и 1908 гг., что подтверждает не только интерес к ней со стороны читающей публики, но и очень большое влияние, которое имела позиция Остроумова в Туркестане.

В книге Остроумов писал: «...сартами называются оседлые туземцы преимущественно Сыр-Дарьинской и частию Ферганской областей и Аму-Дарьинского отдела. Правда, оседлые туземцы обыкновенно называют себя по месту жительства <...>, но когда туземца спрашивают: кто он — киргиз или сарт? то сарт отвечает, что он — сарт, а не казак <...> равным образом Сыр-Дарьинские сарты отличают себя и от таджиков, оседлых туземцев Самаркандской области и некоторых местностей Ферганской...»¹¹⁴. Автор подчеркивал смешанный характер этой группы: «...туземные жители городов нынешней Сыр-Дарьинской и частью Ферганской областей, а также Кашгарии и Хивы представляют собой тип смешанный, тюрко-иранский, каким и являются нынешние сарты, говорящие по-тюркски и в то же время, по своему телосложению и характеру, напоминающие иранское племя...»¹¹⁵. Он настаивал, что «...сартов не должно смешивать с таджиками, как представителями иранского племени...»¹¹⁶.

¹¹² См.: *Geraci R. P. Window to the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. P. 158–194. Свои выводы Р. Джераси повторил в статье: *Культурная судьба империи под вопросом: мусульманский Восток в российской этнографии XIX в.* // *Новая имперская история постсоветского пространства*. Казань, 2004. С. 271–306. В этой статье американский учёный обращается также к книге Н. П. Остроумова «Сарты», которую почему-то ставит «особняком» по отношению к трудам других русских учёных, и объясняет его точку зрения на существование особого народа сартов «стремлением русских выделить наиболее урбанизированные, буржуазные и религиозно настроенные элементы в Туркестане в особую этническую группу», с тем чтобы «приуменьшить впечатление о силе ислама в этом регионе и, возможно, в действительности ослабить влияние этого слоя на массы» (Там же. С. 297). Мне представляется, что у автора книги «Сарты» помимо «антиисламских» были ещё «антитюркские» мотивы.

¹¹³ Остроумов Н. П. Сарты: Этнографические материалы. Вып. 1. Ташкент, 1890. 2-й и 3-й выпуски книги, вышедшие в свет к 1895 г., были посвящены сказкам, поговорицам и загадкам сартов.

¹¹⁴ Там же. С. 1.

¹¹⁵ Там же. С. 9.

¹¹⁶ Там же. С. 32.

Остроумов задавал вопрос себе и читателю: «...можно ли современный тип сарта считать типом в этнографическом смысле? Если да, то о названии спорить бесполезно...»¹¹⁷. И сам отвечал на него подробным описанием особенностей культуры сартов, стремясь доказать, что они имеют общее «физическое строение, умственные способности и характер»¹¹⁸. Самостоятельный этнографический тип налицо. Как его назвать? Сарты — других имён у этого «типа» нет.

Слабым звеном в построениях Остроумова был язык сартов. С точки зрения господствовавших в конце XIX в. представлений, язык был главным или одним из главных признаков народности. Можно было сколько угодно искать особенности племени во внешнем облике и психологии, но если наречие, на котором сарты говорят, неотличимо от языка других тюркских племён, тех же узбеков, то закрадывается законное сомнение, отдельный ли народ сарты. Остроумову, который не был филологом, приходилось искать доказательства существования отдельного «сартовского» языка. В 1907 г. он опубликовал статью, в которой со ссылкой на авторитет британского филолога Макса Мюллера и его сравнительных исследований «арийства» доказывал самостоятельность языка сартов и его отличие от других тюркских языков¹¹⁹. Тем не менее проблема оставалась нерешённой.

Лапин против Бартольда

Самый известный пример спора по поводу сартов между учёным-экспертом из Центра и местным чиновником — дискуссия между востоковедом, будущим академиком В. В. Бартольд и переводчиком при самаркандском губернаторе, казахом по происхождению Сер-Али (Шерали) Лапиным.

Чем знаменателен их спор? Во-первых, это наиболее известное столкновение двух точек зрения на сартов, которое впервые публично выявило болевые точки и методологические неясности «проблемы сартов». Во-вторых, впервые в дискуссии о сартах появилась прямая речь самих «туземцев». Правда, от имени среднеазиатских «туземцев» говорил русский чиновник, пусть и «киргизского» происхождения¹²⁰, но, тем не менее, он представлял себя как «другую» сторону в споре. До этого «голос» местных жителей

¹¹⁷ Остроумов Н. П. Сарты... С. 33.

¹¹⁸ Там же. С. 35–59.

¹¹⁹ Остроумов Н. П. К вопросу о преподавании сартовского языка на местных курсах // ТВ. 1907, 18 марта (№ 41), 21 марта (№ 43), 27 марта (№ 46), 28 марта (№ 47), 30 марта (№ 48).

¹²⁰ О биографии Лапина (1868–1919) пока известно не очень много. Он был родом из Ак-Мечети (Перовск, ныне Кызыл-Орда), получил юридическое образование в Санкт-Петербурге и в начале 1900-х гг. работал частным поверенным (адвокатом), принимал активное участие в политической жизни региона (см.:

не был слышен, их мнением никто не интересовался, а сами они не высказывали интереса к «проблеме сартов».

Дискуссия началась со статьи Лапина «Сарты и их язык» в газете «Оренбургский листок», где он написал, что «нет ни сартов как народа, ни сартовского языка», «сарты» — это обидная кличка таджиков и узбеков, данная им «киргизами». Этот последний тезис и возмутил российского востоковеда.

В статье «О преподавании туземных наречий в Самарканде» в газете «Окраина» (1894) Бартольд, в 1893–1894 гг. путешествовавший по Средней Азии, отреагировал на точку зрения Лапина в довольно резкой форме: «...Мы можем только удивляться, как г-н Лапин решается говорить с таким апломбом о вещах, о которых, по-видимому, не имеет ни малейшего понятия...»¹²¹. Бартольд отверг версию о киргизском происхождении слова «сарт» и предложил свою версию о древних — чуть ли не санскритских — его корнях, при этом указав, что «...Каково бы ни было происхождение слова сарт, нельзя не согласиться с мнением Н. П. Остроумова, что исключить его из нашего этнографического словаря нет никаких оснований. Этимология слова “немец” известна каждому, и всё-таки мы употребляем его как этнографический термин. Подобно этому и слово “сарт”, хотя бы оно первоначально не имело этнографического значения, теперь употребляется для обозначения народа, представляющего как по типу, так и по языку особую этнографическую единицу...»¹²².

Последние слова были выпадом не только против Лапина, но и против уже устоявшейся среди русских учёных традиции — ещё со времён Гребенкина и Костенко — давать пренебрежительную оценку термину «сарт».

Лапин ответил Бартольду статьёй «О значении и происхождении слова “сарт” (По поводу заметки г. В. Бартольда)», опубликованной в том же году в «Туркестанских ведомостях»¹²³. Он писал: «...Над разрешением сартского вопроса (если так можно выразиться) трудились многие лица, но, к сожалению, он и доныне не может считаться решённым...». Лапин признавал, что в результате смешения узбеков и таджиков образовалась своеобразная «узбекско-таджикская помесь», «у которой не осталось почти ничего национального, кроме родного узбекского языка». Слово «сарт» «...на языках киргиз и первобытных узбеков приняло более широкое применение, обозначая

Азретбергенова Э. Ж. Сералы Лапин: жизнь, общественная деятельность и творческое наследие. АКД. Алматы, 2004 (на казахском яз.).

¹²¹ Бартольд В. В. О преподавании туземных наречий в Самарканде // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964. С. 304.

¹²² Там же. С. 305.

¹²³ Лапин С.-А. О значении и происхождении слова «сарт» (По поводу заметки г. В. Бартольда) // ТВ. 22 мая (3 июня) 1894, № 36; 29 мая (10 июня) 1894, № 38; 2 (14) июня 1894, № 39.

собой понятие как о таджиках, так и об осевших узбеках и других тюркских народностях (кипчаках, мангытах и пр.), принявших таджикскую культуру, т.е. о всём оседлом населении, в каком смысле оно употребляется и донныне <...> слово «сарт» никогда не употреблялось и не употребляется туземцами в смысле названия особой народности...». Самаркандский переводчик продолжал настаивать на том, что название «сарт» дали оседлому населению кочевники и означало оно оскорбительное «сары-ит» (жёлтая собака)¹²⁴.

Лапин писал, что «узбекско-таджикская помесь не присвоила себе особого имени» и называет себя сартами, «новые сарты» попадают в затруднительное положение при ответе на просьбу «назвать себя по происхождению» и выходят из него тем, что называют себя сартами, тем самым отличая себя от таджиков и узбеков. Именно этим автор объяснял появление мнения Остроумова о том, что «сарт» есть название особой народности. Лапин подчёркивал, что в народном языке «сартами» называют всё оседлое население Туркестана (включая таджиков и узбекско-таджикскую помесь), а в Бухаре и Самарканде таджики не употребляют слова «сарт» для самоназвания, но сартами считают себя (а узбекско-таджикскую помесь зовут узбеками). Лапин присоединился к мнению Миддендорфа, что слово «сарт» неудачно и его надо вычеркнуть из «этнографического словаря»: «...не было и нет у нас особой народности сартов, как равно нет особого сартского языка <...>. Если уже необходимо для науки назвать узбекско-таджикскую помесь особым именем, отличающим её от других народностей (что, пожалуй, и справедливо), то следует установить для этого какое-либо другое название: “чала-узбек”, “чала-таджик” [“чала” означает “неполноценный, ненастоящий”. — С. А.] или что-нибудь в этом роде, а слово “сарт” всего менее пригодно для этой цели...».

Свою мысль Лапин завершил неожиданным образом: «...Я говорю, что это нужно, пожалуй, для науки, как условный знак, а сама эта помесь во вновь выдуманном названии вовсе не нуждается...». Что в данном случае имел в виду Лапин, говоря о том, что «узбекско-таджикская помесь» не нуждается в «выдуманном названии»? Отсутствие у местного населения потребности в национальном самосознании? Или — этого Лапин не мог сказать открыто — существование общетюркской идентичности, которая должна была стать основой единства всех среднеазиатских «племён»?

В статье Лапина впервые был чётко и ясно сформулирован совершенно новый тезис: язык сартов автор предложил называть «новоузбек-

¹²⁴ Напомню в этой связи ещё раз, что в силу своего казахского происхождения Лапин принадлежал скорее к числу тех, кто мог оскорбить словом «сарты», а не тех, кто мог бы быть им оскорбленным. Впрочем, Лапина его соплеменники тоже могли удостоить прозвища «сарт» — за измену кочевым традициям.

ским»¹²⁵. Примерно о том же писал Наливкин, но его точка зрения о родстве сартов и узбеков имела несколько иную аргументацию и ограничивалась только Ферганой. Лапин же, по сути дела, провозгласил, хотя и с оговорками, идею переименовать сартов в узбеков, сделал акцент на языке как главном признаке этой общности. И хотя первая реакция русских исследователей на это предложение была отрицательной, идея близости сартов и узбеков благодаря Лапину оказалась предметом осмысления и обсуждения. Её восприняли, в частности, «туземные» интеллектуалы, для которых язык — письменный и театральный — стал главной чертой самоидентификации и главным способом распространения своих убеждений. Точка зрения Лапина, обнародованная в правительственной туркестанской газете, приобрела статус легитимной концепции, к которой теперь можно было апеллировать.

Бартольд незамедлительно опубликовал в «Туркестанских ведомостях» статью «Вместо ответа г-ну Лапину» (1894), в которой взял обратно свои слова из предыдущей статьи об «абсолютном невежестве» оппонента¹²⁶, в целом сменил тон и уже не оспаривал наблюдений Лапина о современных сартах. Бартольд лишь изложил свою концепцию этимологии слова «сарт», которая выглядела намного более научной и реалистичной по сравнению с позицией Лапина.

В 1895 г. Бартольд выступил в «Туркестанских ведомостях» с отдельной статьёй «Ещё о слове “сарт”», в которой уже не спорил с Лапиным, а уточнял свою позицию по поводу проблемы «сартов». Он вновь попытался проследить эволюцию слова «сарт». В частности, Бартольд писал, что первоначально монголы и тюрки называли сартами оседлое население (в основном таджиков), потом «...Под влиянием завоевателей [узбеки XVI в. — С. А.] сами горожане-туземцы стали называть себя сартами; но племенное различие между тюрками и таджиками так велико, что представители обоих народов не могли называть себя одним и тем же именем. Так как большинство оседлого населения теперь говорило по-тюркски, то сартами стали называться только горожане-тюрки, в противоположность не только кочевникам, но и таджикам <...>. Таким образом, установилась разница между терминами “сарт” и “таджик”, которые некогда были синонимами...»¹²⁷. В примечании к этой фразе он писал: «... Установилось ли различие между сартами и таджиками только при русском владычестве или ещё при узбеках, мы не знаем; первое кажется нам очень

¹²⁵ В середине 1890-х гг. Лапин издал в Самарканде «Краткий русско-узбекский словарь», который выдержал позднее два переиздания. Термин «узбекский» был вызовом официальному названию «сартский язык», которое употреблялось большинством русских учёных и чиновников.

¹²⁶ Бартольд В. В. Вместо ответа г-ну Лапину // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 308.

¹²⁷ Бартольд В. В. Ещё о слове «сарт» // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 313.

невероятным, но прямых свидетельств в пользу второго мы не имеем...»¹²⁸. Здесь же — в подстрочнике — Бартольд отметил: «...мы не имеем основания отказываться от употребления слова сарт в качестве этнографического названия...»¹²⁹.

О том, что Бартольд всё-таки внимательно отнёсся к замечаниям Лапина, говорит опубликованная им в 1898 г. рецензия на книгу Н. А. Аристов. Повторив свой тезис, что ныне «отуреченные таджики известны под именем сартов», Бартольд продолжил: «...В настоящее время слово сарт даже в официальной статистике не имеет определённого, всеми признанного значения и сарты часто смешиваются с узбеками...»¹³⁰; «...Так как основным признаком народа является язык, то, как нам кажется, точное разграничение сартов и узбеков возможно только путём точного определения тех признаков, по которым наречение сартов отличается от узбекского...»¹³¹. Мы видим, что здесь востоковед уже по крайней мере задумывается о близости сартов и узбеков — что в его споре с Лапиным не было заметно.

В силу своего академического статуса и глубоких знаний о регионе Бартольд был, несомненно, одной из наиболее мощных, влиятельных фигур в дискуссиях об этнографической классификации среднеазиатских народов. Тем не менее, говоря о его позиции в отношении к сартам, нельзя не заметить колебания и какой-то неопределённости бартольдской позиции. Он очень внимательно и подробно писал об истории, прослеживал, как термин «сарт» менял свой смысл, но, когда речь заходила о современности, Бартольд явно чувствовал себя неуверенно. С высоты своего взгляда на Среднюю Азию специалист по восточным источникам чувствовал политическую предвзятость и скороспелость суждений разных заинтересованных лиц, с опаской смотрел в будущее и не решался делать однозначных прогнозов, предпочитая выражать осторожную солидарность с Остроумовым, которого признавал хорошим исследователем и чьи аргументы по поводу исторической нейтральности имени «сарт» ему были симпатичны.

«Заметки об этническом составе тюркских племён» Аристов

Итак, в воздухе витал вопрос: как быть с узбеками и другими тюрками, которые постепенно оседают и теряют черты кочевого уклада, они-то являются сартами? Остроумов чётко обозначил различие между сартами

¹²⁸ Бартольд В. В. Ещё о слове «сарт». С. 313, прим. 19.

¹²⁹ Там же. С. 314.

¹³⁰ Бартольд В. [Рецензия на] Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897 (1898) // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 5. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. С. 277.

¹³¹ Там же. С. 278.

и таджиками, но различие между сартами и другими тюрками, в том числе языковое, было у него неясным.

Свою попытку разобраться с тем, кто такие сарты, предпринял другой исследователь — Н. А. Аристов¹³². В работе «Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности» (1896) он писал: «...Выяснение происхождения тюркских племён и народностей в значительной степени сводится к определению посторонних примесей, скрещивания с которыми давали особые тюркские племена...»¹³³. Перечисляя эти племена, Аристов отдельно назвал сартов — они, таким образом, были, с его точки зрения, не просто самостоятельной, а тюркской, пусть и смешанной, народностью¹³⁴. Иранские или арийские корни, на которых заостряли внимание другие специалисты, не сильно волновали Аристов. В отличие от Остроумова, видимо, сознательно противившегося тюркской ориентации сартов, Аристов без колебаний констатировал их принадлежность к тюркскому миру.

Исследователь не обошёл вниманием тот факт, что термин «сарт» обычно используется в широком смысле и охватывает разные племена и народности. Из этого он сделал вывод: «...Так как употребление термина сарт в таком значении, смешивающем различные народности, говорящие совершенно разными языками, влечёт за собой нежелательную и напрасную путаницу и недоразумения, то в нашем местном образованном обществе и в литературе начинает утверждаться такое значение этого слова, что под именем сартов разумеются только оседлые туземцы тюркского языка. Чтобы слово сарт получило точный и необходимый для правильного этнографического употребления смысл, следовало бы добавить, что сартами должны быть именуемы те оседлые тюрки и отуреченные туземцы, которые утратили уже свой родовой быт и связанные с ним родовые деления...»¹³⁵. Аристов, следовательно, сформулировал критерий, по которому сартов можно было отличить не только от таджиков, но и от прочих тюркских народов — узбеков и киргизов, переходящих к оседлости: если оседлые тюрки сохранили родовой быт и родовые названия, то они сартами ещё не стали.

Аристов упомянул точку зрения Лапина, но, указав на его же собственное утверждение о существовании «помеси узбеков с таджиками»,

¹³² Н. А. Аристов принадлежал к числу «старых туркестанцев», до 1889 г. служил на разных должностях в Туркестанском крае, в частности — в Сырдарьинской области, позднее опубликовал несколько очень квалифицированных научных работ по Средней Азии.

¹³³ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Издание Отделения этнографии ИРГО. Вып. 3–4. Год шестой. СПб., 1896. С. 278.

¹³⁴ Там же. С. 420–428, 428–435.

¹³⁵ Там же. С. 429.

писал: «...Выходит, стало быть, что есть и особая народность, которая не присваивает себе названия сарт, но именуется так другими туземцами, и есть также особый язык, который г. Лапин предлагает называть "ново-узбекским"...»¹³⁶. Как полагал Аристов, тот факт, что сарты — это «помесь» разных племён (в том числе тюрков с таджиками, с афганцами, арабами, тюрков между собой), а также просто тюрки, «обратившиеся в оседлость»¹³⁷, «...не помешает сартам быть или сделаться [!!! — С.А.] довольно однородной и обособленной народностью, так как единство языка, религии, занятий и быта неизбежно повлечёт за собою и антропологическое слитие путём браков и метисации...»¹³⁸. Правда, Аристов заметил, что пока «кажущееся рациональным» употребление слова «сарт» не «пользуется общим применением»: в Фергане и Сырдарьинской области говорящее по-тюркски оседлое население («отуреченные таджики») «...само себя зовёт сартами или по крайней мере не отвергает такого общего этнического именованья, за неимением другого...», тогда как жители Самаркандской области и Бухары, носители точно такой же культуры, «...предпочитали называться узбеками...»¹³⁹. Но при этом Аристов всё же предположил, что «этнографическое будущее» самаркандских и бухарских узбеков состоит в «этническом объединении» с сартами¹⁴⁰, но не наоборот.

Сарты в переписи 1897 года

Итак, к концу XIX в. примерно определились три основных варианта ответа на вопрос, кто такие сарты. Каждый зависел от того, какой признак народности следует признать главным. Если этот признак — антропологический облик и образ жизни, то сарты являются таджиками. Если — язык, то сарты — это узбеки. В этих двух случаях можно либо вовсе обойтись без термина «сарт», либо заменить имя «таджики» или имя «узбеки» на «сарты». Если оба упомянутых критерия имеют примерно одинаковый вес, то сартов, которые соединяют в себе признаки разного происхождения, можно считать отдельной народностью смешанного типа.

Выбор в пользу того или иного варианта диктовался не только убедительностью теоретических посылок, но и инструментальностью. Претендующая на истинность модель должна была дать надёжные приёмы, с помощью которых можно было установить племенную принадлежность конкретного человека.

¹³⁶ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе. С. 429, прим. 1.

¹³⁷ Там же. С. 429.

¹³⁸ Там же. С. 429–430.

¹³⁹ Там же. С. 431.

¹⁴⁰ Там же. С. 431.

Долгое время самым убедительным методом выяснения национальности считалась антропология. Сетуя на обилие «ненаучных» рассуждений о народах Средней Азии, А. Богданов в работе «Антропометрические заметки относительно туркестанских инородцев» (1888) писал: «...Каждый жук, каждая пташка описываются со всей подробностью и точностью, а инородческий человек оставляется в своей характеристике при самых общих формулах...»¹⁴¹. Достаточно было, как думал Богданов, собрать обширный антропометрический материал и это помогло бы решить вопрос научной классификации среднеазиатских племён¹⁴². Антропологический подход был интересен тем, что позволял не просто нарисовать «тип» той или иной народности при помощи точных измерений головы, тела, конечностей, но и сравнивать с этим «типом» каждого отдельного человека, давая, таким образом, в руки специалиста метод определения национальности любого конкретного лица. Впрочем, эта процедура не была бесспорной: во-первых, само определение «типов» по внешнему облику подразумевало точное знание того, к какому племени относится измеряемый человек, во-вторых, конкретные лица чаще демонстрировали отклонения от «идеального» (т. е. среднестатистического) «типа». По словам одного из скептиков, «...современный <...> Туран не представляет ни одной до такой степени перемешанной и, следовательно, запутанной в антропологическом смысле народности, как Сарты...», «...Позволительно сомневаться, чтобы краниометрия дала нам когда-нибудь резкие характерные признаки сартовского черепа...»¹⁴³.

Большинство специалистов склонялось к тому, что наилучшим признаком определения национальности является язык. Однако попытки применить данный подход на практике также не приносили убедительных результатов.

В 1897 г. была проведена всеобщая перепись населения Российской империи. Это было первое подобное систематически и методологически последовательное мероприятие, поэтому полученные результаты считались и продолжают считаться наиболее точными для конца XIX в. Это касается прежде всего численности населения и его социального состава. Но данные о «национальном» составе почти сразу вызвали большие

¹⁴¹ Богданов А. Антропометрические заметки относительно туркестанских инородцев // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 34. Вып. 5. М., 1888. С. 85.

¹⁴² Богданов выделил два разных типа строения черепа, которые относил, со ссылкой на А. П. Федченко, к двум основным племенам — узбекам (монгольский тип и тюркский язык) и таджикам (индоевропейский тип и персидский язык) (Там же. С. 1).

¹⁴³ Вилькинс А. И. Среднеазиатская богема // Антропологическая выставка 1879 года. Т. 3. Ч. 1. М., 1879. С. 437.

сомнения. Дело в том, что перепись 1897 г. задавала вопрос не о «национальности» или «народности» человека, а о его «родном языке»¹⁴⁴. Хотя в вопросе не конкретизировалось, какой язык следует считать «родным», ответ воспринимался как признак «этнографической принадлежности»¹⁴⁵. Это обосновывалось ссылкой на господствовавшие на Западе и в России научные представления, согласно которым «национальность», или «народность», следует определять по языку¹⁴⁶. У такого решения была и своя политическая подоплёка. Министерство внутренних дел, в чьём ведении находился Центральный статистический комитет и переписные дела, было против поощрения национального самосознания у народов империи и не хотело давать вопросом о «национальности» повода к политическим требованиям¹⁴⁷.

¹⁴⁴ К тому же опрос проводился либо подворно — тогда информатором становился глава семьи, либо на общем сельском сходе. Нетрудно предположить, что в Туркестане использовался второй способ, при котором сведения о том или ином человеке были результатом не столько его личного мнения, сколько общественного обсуждения в том или ином селении.

¹⁴⁵ Уже после переписи один из её разработчиков писал: «...родной язык, к тому же не всеми опрашиваемыми одинаково понимаемый, далеко не всегда даёт правильное понятие о национальности той или другой группы населения...» (Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 года. Т. 2. СПб., 1905. С. 1). См. также: *Кадио Ж.* Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897–1939 гг.) // *Ab Imperio.* 2002, № 4.

¹⁴⁶ В 1872 г. в Санкт-Петербурге проходил Международный статистический конгресс, который предложил включать в переписи вопрос о языке как главным показателе национальности.

¹⁴⁷ Кстати, МВД находилось в постоянном конфликте по поводу методов управления Туркестаном с Военным министерством, которое формально «отвечало» за этот край. Споры между чиновниками ВМ и МВД (сюда можно также добавить и Министерство иностранных дел) заслуживают особого исследования. Предварительно можно утверждать, что МВД проводило очень осторожную политику в отношении «национального вопроса», стараясь не акцентировать какие-либо национальные интересы и не способствовать формированию национального самосознания. ВМ, напротив, вело себя в этом вопросе более свободно, его эксперты чаще обращались к «национальному фактору». Один из них — М. И. Венюков — в середине XIX в. активно использовал этнографические сведения для объяснения военной стратегии России в азиатском регионе и даже назвал своё исследование в этой области «политической этнографией» (*Венюков М. И.* Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россиею и Индией. СПб., 1878). В начале XX в. той же позиции в своём анализе придерживался другой известный военный эксперт, А. Е. Снесарев (дядя советского этнографа Г. П. Снесарева). Образец его мышления даёт, например, такая цитата из работы «Восточная Бухара»: «...Крайне интересно было бы узнать, чувствуют ли себя узбеки единым, в одно связанным

Итоги переписи народов Туркестана оказались ошеломляющими. Так, в Ферганской области сартов оказалось больше, чем узбеков, — 788989 и 153780, таджиков было 114081 человек¹⁴⁸. В Самаркандской же области узбеков оказалось больше, чем сартов, едва ли не в обратной пропорции — 507587 и 18073, таджиков насчитывалось 230384 человека¹⁴⁹.

Вот как прокомментировал эти данные этнограф С. К. Патканов, который руководил разработкой результатов опроса по поводу «родного языка»: «...провести между этими тремя народностями грань представляется делом весьма затруднительным, если вообще возможным...»¹⁵⁰, «...Различие между сартами и узбеками несущественное, зиждется оно не на ином племенном составе, а, главным образом, на разных исторических судьбах обоих народов...»¹⁵¹.

Почему же в Ферганской области большая часть населения была записана «сартами», а в Самаркандской — «узбеками»? Причина этого самая тривиальная. Как писал Бартольд, «...в действительности это объясняется тем, что <...> самаркандская статистика признавала только узбеков, а не сартов, ферганская — только сартов, а не узбеков...»¹⁵². Только сам статистик определял, как называть изучаемое население. Л. Ф. Костенко в 1880 г. обнаружил в Зеравшанском округе¹⁵³ 132138 сартов, 67862 таджика и 140154 узбека, в Ферганской же области — 344023 сарта, 11580 таджиков, 19852 узбека¹⁵⁴. Согласно Костенко, узбеков и сартов в Самарканде и окрестностях было почти поровну, согласно же переписи 1897 г., т. е. спустя всего 20 лет, узбеков было больше, чем сартов, в 25 раз! В Ферганской области, по Костенко, число сартов было больше числа узбеков в 17 раз, а по переписи 1897 г. — всего лишь в 5 раз.

народом, независимо от нахождения на разных территориях, как, например, Авганистан, Бухара, Хива, Фергана и т. д., и ведут ли они общую, так сказать, узбекскую линию?...» (*Снесарев А. Е.* Восточная Бухара (военно-географический очерк) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 79. СПб., 1906. С. 42).

¹⁴⁸ Первая Всеобщая перепись. Ферганская область. С. 60–61.

¹⁴⁹ Первая Всеобщая перепись. Самаркандская область. С. 48–49.

¹⁵⁰ Общий свод по империи. С. XIV.

¹⁵¹ Там же. С. XXVI.

¹⁵² *Бартольд В. В.* [Рецензия на] Князь В. И. Масальский, Туркестанский край // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М., 1963. С. 641. То же самое отмечал Аристов: «...Как статистика Самаркандской области не признаёт существования сартов, так сведения по Ферганской области игнорируют узбеков...» (*Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племён. С. 426).

¹⁵³ В 1886 г. из Зеравшанского округа и Ходжентского уезда была образована Самаркандская область.

¹⁵⁴ *Костенко Л. Ф.* Туркестанский край. С. 326.

Симпатию самаркандского статистического комитета к узбекам и антипатию к сартам объяснил позднее «туркестанец» Н. Г. Маллицкий, по утверждению которого слово «сарт» в 1890-е гг. стало исчезать в русских официальных документах Самаркандской области под влиянием «известного Самаркандского деятеля, интеллигентного киргиза» С. А. Лапина¹⁵⁵. Ещё одна деталь: в составе Самаркандской областной переписной комиссии в 1897 г. работал В. П. Наливкин, который, как я уже говорил, также был сторонником причисления сартов к узбекам. По-видимому, решение фактически об исключении слова «сарт» из итогов опроса принималось при их непосредственном участии.

Ещё одной загадкой переписи 1897 г. была группа «тюрко-татар», или «тюрок без распределения по наречиям». Их численность в Самаркандской области достигла 19993 человек, в Сырдарьинской — 158675, в Ферганской — 261234¹⁵⁶. В Ферганской и Зеравшанской долинах проживало племя «тюрок», но их число не было таким огромным. Загадку объяснил Патканов: «...более существенные препятствия для правильного распределения жителей по национальностям встретились в значительной части Туркестана, где в целых уездах язык местных тюркских племён (сартов, узбеков, каракиргизов, таранчей и т. д.), вследствие малограмотности и небрежности местных счётчиков, был заменён то более общим, но мало определённым выражением “тюркский”, то просто знаками “тур., тюр., тат., та” или буквами “т., к., с.”. А такие обозначения, особенно при неразборчивости письма, могли дать повод к самым разнообразным толкованиям: например, “тюр. и тур.” могут обозначать: язык “тюркский” и “туркменский”, “тат, та и т.” — “татарский”, “таджикский” и “таранчинский”, а буква “к.” может относиться к целому ряду наречий края: “киргизский, киргиз-кайсацкий, кураминский, кипчакский, кашгарский, кара-калпакский” и т. д. (“с.” означает “сартский” язык)...»¹⁵⁷. В результате «...Из подобных частей туземного населения Средней Азии, принадлежащих по большей части к тюркскому племени (отчасти и к таджикам),

¹⁵⁵ Маллицкий Н. Г. О взаимоотношении названий «сарт» и «узбек» // Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. 2231. Оп. 1. Д. 46. Л. 32–33. Конечно, нельзя отрицать и того факта, что в Ферганской долине слово «сарт» самим населением воспринималось гораздо менее негативно, а слово «узбек» было гораздо менее популярно в качестве самоназвания, чем в Зеравшанской долине. Однако, как я уже отмечал, исследователи не очень-то ориентировались на местные предпочтения и оставляли за собой право решающего выбора имени для той или иной народности.

¹⁵⁶ Первая Всеобщая перепись. Самаркандская область. С. 48–49; Первая Всеобщая перепись. Сырдарьинская область. С. 56–57; Первая Всеобщая перепись. Ферганская область. С. 60–61.

¹⁵⁷ Общий свод по империи. С. I–II.

пришлось, при составлении сводных таблиц, образовать одну сборную группу “тюркского языка без распределения по наречиям”...»¹⁵⁸.

Таким образом, ни одна из «народностей», которые образовались в результате переписи среднеазиатского населения по «родному языку», не смогла пройти проверку на соответствие реальности. И «сарты», и «узбеки», и «тюрки без распределения по наречиям», и другие категории в этой этнографической классификации являлись плодами научного воображения и бюрократической манипуляции. Языковой признак в качестве инструмента для определения национальностей показал себя на деле крайне неэффективно.

Сарты и этнографические классификации в текущей статистике

Перепись 1897 г. поспособствовала возникновению своего рода «двойной бухгалтерии» среднеазиатских «народов». Одни авторы — особенно те, кто не относился к «туркестанцам», — предпочитали результаты переписи, опираясь, видимо, на более высокий административный статус и легитимность принятой ею классификации. Другие использовали материалы текущей статистики и те способы классификации, которые разработали местные чиновники и учёные¹⁵⁹. Между этими двумя источниками были довольно существенные разночтения как по списку обнаруженных народов, так и по их численности.

Что же собой представляла текущая статистика? В каждом сельском обществе — низшей административной единице — были списки домо-

¹⁵⁸ Общий свод по империи. С. II. Из такого рода парадоксов первой общеимперской переписи возник своеобразный жанр коррекции данных 1897 г. Так, в 1911 г. в приложении к «Отчёту» глава очередной ревизии Туркестанского края К. К. Пален писал о недостатках переписи по «языку»: «...Вообще нужно заметить, что в Туркестане родной язык не всегда может служить признаком для выяснения этнографического состава населения...» (Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч. 1. Отд. I. Приложение к отчёту по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К. К. Паленом. СПб., 1911. С. 62). Пален, например, посчитал спорным выделение группы «тюрко-татарских языков» и предложил распределить её, следуя «консультациям специалистов», по тем группам, которые сомнения не вызывали. Такая же традиция продолжилась и в советское время (см.: Рахматиллаев Х. Динамика этнической структуры сельского населения Ферганской долины // Расы и народы. Вып. 18. М., 1988; Рахматиллаев Х. Специфика в динамике этнической структуры городского и сельского населения (на примере узбекской части Ферганской долины) // Этнография, антропология и смежные дисциплины: соотношение предмета и методов. М., 1989).

¹⁵⁹ Некоторое недоверие к данным текущей статистики долгое время сохранялось и в советской историографии.

хозяйств, а «туземные» старосты-аксакалы обязаны были вести учёт умерших, родившихся, убывших и прибывших. На практике, конечно, этот учёт вёлся «на глазок», очень нерегулярно и неточно¹⁶⁰. Тем не менее эти данные передавались «туземному» же волостному управителю, который в свою очередь направлял их в сводном виде уездному начальнику и участковому приставу — русским чиновникам, в ведении которых находились волости и сельские общества. От последних данные поступали в областное управление (и областной статкомитет), оттуда — в Канцелярию туркестанского генерал-губернатора (и краевой статкомитет), после чего они сводились воедино и подавались в виде «всеподданнейших отчётов» генерал-губернаторов на имя императора. Копии отчётов рассылались в центральные органы Военного министерства, Министерства внутренних дел (в том числе в Центральный статистический комитет) и т. д. Поскольку исходные цифры у всех чиновников вызвали большое сомнение, то на каждом уровне происходила доработка и корректировка сведений с учётом разного рода дополнительных соображений.

Базовыми в этой цепочке были данные, собранные и подытоженные областными статистическими комитетами, которые имели право самостоятельно определять методику расчётов. Эти данные регулярно публиковались.

Возьму в качестве примера деятельность Статистического комитета Ферганской области. Одним из первых его официальных изданий был «Обзор Ферганской области за 1888 год», где была приведена классификация местных народностей с указанием точной их численности¹⁶¹. Начиная с 1890 г. «Обзоры Ферганской области» выходили ежегодно, но никаких подробных сведений о национальном составе населения в них не публиковалось. В «Обзорах» лишь повторялись общие сведения об основных этнографических группах, населяющих Фергану. Например, в «Обзоре» за 1894 г. говорилось: «...В этнографическом отношении Ферганскую область <...> можно разделить на три полосы. Долину заселяют сарты — народ тюркского происхождения <...>. На предгорьях и в горах обитают киргизы <...>. Наконец, третью полосу занимают таджики, обитающие на Памирском плоскогорье <...>. В небольшом числе киргизы и таджики живут также и в долине, среди сартов...»¹⁶². В «Обзоре» за 1898 г. кратко перечислялись основные народности Ферганской долины и указывалось,

¹⁶⁰ См.: Киселёв В. Демографическая статистика в колониальном Туркестане во второй половине XIX века // O'zbekiston tarixi. 2002, № 1.

¹⁶¹ Обзор Ферганской области за 1888 год. Новый Маргелан, [без даты]. С. 13. Любопытно, что в этом «Обзоре» сарты и узбеки состояли в одной категории и имели общую численность.

¹⁶² Обзор Ферганской области за 1894 год. Нов. Маргелан, 1896. С. 6–7.

что «...От смешения узбеков и других народностей между собою и с аборигенами страны, по-видимому, произошли сарты, составляющие главную часть населения Ферганской долины...»¹⁶³. Авторы «Обзора» за 1899 г. высказались против определения сартов, данного Н. А. Аристовым. В предложении последнего называть сартами всех оседлых тюрков и отюреченных туземцев, которые утратили родовой быт, они увидели попытку причислить к сартам оседлых таджиков, тюрков, «помеси тюркских племён между собой», арабов и даже евреев: «...Между тем все эти народности отличаются от сартов и сами сарты отделяют себя от всех остальных народностей, проживающих в Фергане...»¹⁶⁴. В частности, авторы «Обзора» настаивали на том, что сартов надо отличать от монгольских племён, и подчёркивали в них существенную арийскую примесь: «...по внешнему виду многих из сартов можно принять скорее за русских, чем за азиатов...», в «духовно-нравственном отношении», они «...ближе подходят к европейцам, чем к азиатам-монголам...»¹⁶⁵.

На протяжении 1890-х гг., год за годом, областной статистический комитет постепенно проводил — параллельно с поземельно-податной переписью — собственный опрос жителей Ферганы на предмет их племенной принадлежности¹⁶⁶. Итоги этого опроса, с разбивкой по уездам, впервые были подробно отражены в «Статистическом обзоре Ферганской области» за 1904 год и после этого ежегодно публиковались, с некоторыми поправками, во всех остальных «Статистических обзорах» вплоть до 1914 г.¹⁶⁷. В сборниках за 1904–1906 гг. таблицы с составом населения назывались «этнографическим делением», а во всех последующих — «национальным делением».

Статистические таблицы как специфический жанр описания и классификации отличались, в частности, тем, что в обсуждение вводился дополнительный — количественный — признак. Важным было не только, *кого* нужно выделять в качестве самостоятельной народности, но и *сколько* представителей этой народности живёт в данном регионе. Фиксируя численность того или иного племени, авторы таблицы указывали и на его «вес».

Согласно данным текущей статистики, в Ферганской области 2/3 населения составляли сарты, после них самой большой группой были киргизы, потом каракиргизы, потом таджики и узбеки. Все остальные группы насчитывали менее 100 тыс. человек.

¹⁶³ Обзор Ферганской области за 1898 год. Новый Маргелан, 1900. С. 13–14.

¹⁶⁴ Обзор Ферганской области за 1899 год. Новый Маргелан, 1901. С. 69–70.

¹⁶⁵ Там же. С. 70.

¹⁶⁶ Об этом говорится в «Обзоре» за 1899 г. При этом в самом «Обзоре» были опубликованы данные только по Маргеланскому уезду (Там же. С. 73).

¹⁶⁷ В 1901–1903 гг. Ферганской статистический комитет выпускал сборник под названием «Ежегодник Ферганской области».

В количественном отношении от одного «Статистического обзора» к другому большинство групп переживали интересные метаморфозы. Например, к 1905 г. численность сартов с 1904 г., когда их было 1 млн. 86 тыс., увеличилась почти на 100 тыс. человек (9%), в 1906 г. по отношению к 1905 г. — почти на 80 тыс. человек (8%), а в 1907 г. — упала по сравнению с предыдущим годом на 55 тыс. (4%). В 1908 г. численность сартов опять увеличилась — на 75 тыс. человек, а в 1909 г. выросла ещё на 20 тыс. и далее ежегодно росла на 20–40 тыс. В 1914 г. в Фергане проживало 1 млн. 371 тыс. сартов.

В 1904 г. узбеков было почти 159 тыс. В 1905 г. их численность по сравнению с 1904 г. уменьшилась на 50 тыс. человек (30%), в 1906 г. — ещё на 80 тыс. человек (почти на 80%). До 1909 г. число узбеков понемногу уменьшалось, а затем вновь стало расти: в 1910 — на 3 тыс. (около 17%), в 1911 г. — на 13 тыс. (около 50%). В 1913 и 1914 гг. узбеки исчезли из переписи.

Численность таджиков в целом стабильно росла — в 1904 г. их было около 107 тыс., а в 1914 г. насчитывалось уже чуть более 155 тыс. Число таджиков падало только в 1905 и 1908 гг., а в 1914 г. — увеличилось сразу на 20%.

Все эти колебания, конечно, вовсе не говорят о том, что рождаемость у сартов и таджиков в какой-то год внезапно подскакивала или что узбеки поголовно выехали из Ферганы. Скорее, дело было так: какой-нибудь чиновник вдруг обнаружил, что те, кого он считал сартами, имеют ещё самоназвание «таджики». Или: тот же или другой чиновник решил, что отныне все, кто называют себя или числятся узбеками, должны именоваться сартами. Цифры были таким же объектом манипуляции, как и номенклатура народов.

В 1909 г. областной статистический комитет выпустил «Список населённых мест Ферганской области», который определял «преобладающую национальность» в каждом отдельном селении¹⁶⁸. «Список» проливает свет на некоторые особенности способа исчисления народностей и наглядно демонстрирует ту неопределённость в фиксации национальной принадлежности отдельных групп ферганского населения, которая в «Статистических обзорах» уже малозаметна. Среди «преобладающих» групп упомянуты сарты, таджики, киргизы¹⁶⁹, кипчаки, каракалпаки, курама, узбеки, тюрки, кашгарцы, цыгане, юзы, калмыки, арабы. Однако отдельно от киргизов упомянуты также «кочевые киргизы», «киргизы-найгуты», «казаки» (имя

¹⁶⁸ Список населённых мест Ферганской области. Скобелев, 1909. С. I. Правда, «преобладающей» могла быть группа, которая составляла 30–40% жителей.

¹⁶⁹ Итоговые таблицы в «Статистическом обзоре Ферганской области» различали две группы — киргизы и кара-киргизы, но как они различались — вопрос для самостоятельного анализа.

которых взято в скобки) и даже просто «кочевники»¹⁷⁰. Отдельно от «тюрков» названы «турки», что вызывает вопрос о том, одна и та же это группа или две разные. Наконец, в некотором — очень небольшом — числе селений статистики не смогли отличить «узбеков» от «сартов» и дали двойное наименование в двух формах — «сарты (узбеки)» или «сарты-узбеки»¹⁷¹. Это всё, конечно, единичные случаи, поскольку на этапе обработки полученные сведения, безусловно, были унифицированы. Но, видимо, отсутствие в «Списке» сводных таблиц, которые задавали бы более жёсткий способ классификации, стало причиной случайного попадания в текст сырого, подготовительного материала, с которым сборщики информации имели дело в самом начале своих изысканий.

В чём была специфика текущей статистики по сравнению с переписями?

Я привёл пример деятельности Ферганского областного статистического комитета. Другие аналогичные комитеты — Самаркандской, Сырдарьинской, Семиреченской, Закаспийской областей, а также Туркестанский краевой статистический комитет имели собственный взгляд на этнографическую классификацию, вырабатывали свои собственные критерии определения «национальностей» и нисколько не стремились при этом согласовывать свои воззрения с принципами своих же коллег из соседних областей Туркестанского края или с вышестоящими органами. Многообразие центров выработки этнографической номенклатуры — как по горизонтали, так и по вертикали, — было едва ли не главной чертой российского колониального знания о Средней Азии.

Ещё одна особенность текущей статистики, о которой я хочу сказать, — это тенденция к дроблению этнографических категорий, увеличению их числа, выделению из состава больших сообществ всё новых и новых маленьких групп, которые в той или иной степени отличались от «идеального типа» основных народностей. Если перепись 1897 г. для той же Ферганской области назвала всего 8 «туземных» народностей¹⁷², то в текущей статистике их фигурировало в разные годы от 13-ти до 17-ти. Местные статистики были более чуткими к самым небольшим различиям в языке, образе жизни, самосознании и не стремились догматически следовать теоретическим предписаниям в отношении «главных» признаков народа и «второстепенных». Однако если разработчики переписи в своём стремлении сгруппировать племена по «типам» очень вольно обращались с данными, то и статистики областных комитетов достаточно щедро позволяли себе произвольно то «создавать» племена, то «уничтожать» их.

¹⁷⁰ Список населённых мест. С. 116, 124.

¹⁷¹ Там же. С. 18, 130, 132.

¹⁷² Я не включаю сюда евреев, татар, армян, русских и др.

«Проблема сартов» в начале XX века

В начале XX в. вопрос о сартах приобрёл характер нерешённой и даже, может быть, в принципе не решаемой проблемы. Исследования и дискуссии 1880–1890-х гг. выявили практически весь спектр возможных мнений и весь набор разнообразных аргументов в пользу той или иной точки зрения. Но ни одна концепция так и не смогла стать стопроцентно доминирующей. Сложилась ситуация, когда одновременно сосуществовали и продолжали воспроизводиться самые разные подходы в затянувшемся споре.

Назову несколько наиболее заметных работ, авторы которых обращались к проблеме сартов.

Из новых исследователей внимания заслуживает П. Е. Кузнецов. В статье «О таджиках Ташкентского уезда» (1900) он рассказал, что на заседании правления Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества 13 января 1900 г. его член Н. Г. Маллицкий предложил исследовать таджикские селения Ташкентского уезда «как форпост иранского племени на северо-востоке»: «...По личным наблюдениям Н. Г. Маллицкого, в настоящее время таджики, живущие в предгорьях Ташкентского уезда, быстро сартизируются и в то время, как более консервативные элементы населения, женщины и старики, ещё сохраняют таджикский язык, молодёжь большею частью говорит по-тюркски. “Может быть,” — высказался Маллицкий, — “изучение таджикских поселений Ташкентского уезда будет способствовать разрешению вопроса о происхождении сартовской народности...”»¹⁷³. После этого собрания в уезд был послан Кузнецов.

По итогам поездки молодой востоковед, выпускник Сорбонны, сделал следующие выводы: ташкентские таджики действительно говорят на наречии «персидского языка», но при этом также свободно владеют «сартовским (тюркским) языком», более того — они «...пользуются сартовским языком в жизни больше, чем своим родным. Это обстоятельство служит лучшим признаком сартизации между ними, которая страшно сильна и идёт гигантскими шагами вперёд...». «...Можно с уверенностью сказать, — заключает Кузнецов, — что в близком будущем таджики забудут родной язык и окончательно сольются с сартами...»¹⁷⁴.

Автор статьи рассматривает факторы, которые оказывают влияние на тюркизацию таджиков. Среди них: географическое положение (таджикские селения являются «ничтожными островками среди моря тюркского населения»), далее — язык («самое могущественное средство сартизации

¹⁷³ Кузнецов П. Е. О таджиках Ташкентского уезда (краткий отчёт) // Известия Туркестанского отдела ИРГО. Т. 2. Вып. 2. Ташкент, 1900. С. 31.

¹⁷⁴ Там же. С. 41.

таджиков»)¹⁷⁵ и смешанные браки («...При смешанном браке, возьмёт ли таджик, положим, сартянку за себя, или таджичка выйдет за сарта, господствующим языком в семье делается, конечно, сартовский...», а их дети таджикского уже не знают¹⁷⁶).

Любопытным является наблюдение Кузнецова о том, что «насадителями сартовского языка» были переводчики, обычно из татар и башкиров¹⁷⁷: «...До прихода русских официальным языком у туземцев в крае был персидский <...>. Переводчики же русского правительства, не зная в большинстве случаев этого языка, требовали и теперь требуют [!!! — С. А.] не только от сартов, но и от таджиков, чтобы они вели деловую переписку с властями на сартовском языке. Таким-то путём сартовский язык постепенно сделался официальным языком у туземцев, и теперь мирзы-таджики¹⁷⁸ самым усердным образом пишут по-сартовски даже те документы, которые не поступают в русские канцелярии...»¹⁷⁹. Кузнецов говорил и о той лёгкости, с которой сами таджики принимали новый язык. Он писал об их «податливости» «на всё чужое»: «...если между 10 таджиками сидит хоть один сарт или киргиз, разговор непременно ведётся на сартовском языке...»¹⁸⁰. Кузнецов отмечал: «...К своему превращению в сартов таджики относятся совершенно равнодушно, мне сдаётся, даже охотно, потому что, сделавшись сартами, они избавляются от позорной клички “раба” <...>, данной им тюрками...»¹⁸¹. Автор свидетельствовал: многие таджики «...не хотели сознаться мне в своём таджикском происхождении...»¹⁸².

В статьях о таджиках Намангана и Коканда (1915 и 1916 гг.) Кузнецов кратко повторил свои прежние тезисы применительно к новым регионам¹⁸³. Все эти исследования показывают, что тема происхождения сартов из таджиков, таджикских корней сартов по-прежнему оставалась в поле зрения научного сообщества. Более того, Кузнецов доказал своими

¹⁷⁵ Там же. С. 45.

¹⁷⁶ Там же. С. 46.

¹⁷⁷ Добавлю от себя — и казахов. Вспомним С.-А. Лапина.

¹⁷⁸ Мирза — в данном случае «писарь», помощник волостного «туземного» управителя.

¹⁷⁹ Кузнецов П. Е. О таджиках Ташкентского уезда. С. 46–47.

¹⁸⁰ Там же. С. 47.

¹⁸¹ Там же. С. 47.

¹⁸² Там же. С. 48.

¹⁸³ См.: Кузнецов П. Е. О таджиках Наманганского уезда // Известия Туркестанского отдела ИРГО. Т. 9. Вып. 2. Ч. 1. Ташкент, 1915; Кузнецов П. Е. О таджиках Кокандского уезда // Известия Туркестанского отдела ИРГО. Т. 12. Вып. 2. Ташкент, 1916. В это же время Кузнецов издал на французском языке книгу, которую озаглавил «Борьба цивилизаций и языков в Средней Азии». См.: Kouznie-tsov P. La lutte des civilisations et des langues dans l'Asie Centrale. Paris, 1912.

непосредственными изысканиями, что процесс трансформации таджиков в сартов — это не далёкая история, а сегодняшний день, т.е. то, что совершается на глазах у русских и к чему русские, возможно, даже прилагают свою руку.

Совсем иную тенденцию демонстрирует изданная в 1904 г. книга ташкентского врача А. Шишова «Сарты» (1904)¹⁸⁴. Собирая и компилируя материалы для выяснения вопроса о «принадлежности сартов к культурным народностям», автор отмечал прежде всего их близость узбекам и противопоставлял таджикам. Шишов писал: «...Каково бы ни было этнографическое будущее узбеков Самаркандской области и ханств [Бухары и Хивы — С. А.], которым, вероятно, предстоит этническое объединение с сартами Сыр-Дарьи и Ферганы, приходится, в силу существующего ещё обособления первых (хотя бы только по имени), называть пока сартами лишь говорящее по-тюркски оседлое и утратившее родовые быт и фамилии население Сыр-Дарьинской и Ферганской областей...»¹⁸⁵. То есть узбеки и сарты — уже сейчас одна общность, но разделяют их (временно!) лишь разные имена. Общность же эта, как полагает автор, в итоге примет имя сартов.

Оригинальный вклад Шишова в тему сартов — его профессиональные антропологические обследования в Ташкенте. Шишов пришёл к выводу, что по внешнему облику сарты относятся к монголам, а не к арийцам: «...Антропологическое исследование дало основание, надеюсь, сделать вывод о принадлежности Ташкентских сартов к монгольской расе. Если и есть примесь иранской крови, то настолько незначительная и так подавлена последовательными продолжительными наслоениями монгольства, что почти незаметна. В современной же жизни влияние соседних таджиков-иранцев на сартов едва ли возможно вследствие весьма резкой религиозной розни между сартами-суннитами и таджиками-шиитами. Принадлежность сартов к монгольской расе даёт объяснение и тому, что сарты говорят джагатайским наречием тюркского языка...»¹⁸⁶.

В рассуждениях Шишова интересен ещё один элемент. Противопоставляя сартов таджикам, он при этом намеренно сужает значение понятия «таджики», оставляя за ним лишь обозначение ираноязычного населения горных районов Средней Азии (возможно, ещё и потомков рабов из Персии). Такой взгляд получает развитие во второй книге Шишова — «Таджики» (1910), где при описании культуры и быта автор обращается в основном к горным районам — Дарвазу, Каратегину, верховьям

¹⁸⁴ Шишов А. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I. Этнография. Ташкент, 1904 (в серии «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», кн. 11).

¹⁸⁵ Там же. С. 97.

¹⁸⁶ Там же. С. IV.

р. Зеравшан, Западному Памиру и предгорьям Гиндукуша¹⁸⁷. Обращает на себя внимание и сам факт, что Шишов после «Сартов» выпускает книгу «Таджики», подчёркивая тем самым оппозицию друг другу этих народов.

Колебания в вопросе о принадлежности сартов к таджикам или узбекам видны и на примере других работ.

Так, М. В. Лавров в книге «Туркестан» (первое издание в 1914 г., второе — в 1916 г.), рекомендованной в качестве учебного пособия, писал, что сарты «...произошли от слияния арийцев с тюрко-монголами...», но по своему происхождению они «...имеют основу тюркскую и примесь иранскую, в противоположность таджикам, происходящим от иранцев, но получившим примесь тюркскую...»¹⁸⁸. Другой автор — И. И. Гейер — в книге «Путеводитель по Туркестану» (1901) утверждал прямо противоположное: вопрос о «генеалогии» сартов в науке ещё не решён, но преобладает «догадка», что «...племя это произошло от помеси аборигена страны — таджика с завоевателем — узбеком...» и что в их крови преобладают «иранские свойства»¹⁸⁹. Наконец, двое других — М. А. Миропиев и В. И. Масальский — и вовсе, кажется, запутались, кто такие сарты. Первый из них писал: сарты — это «помесь арийцев с тюрками, с значительным преобладанием крови последних», но между сартами и таджиками «так много общих черт характера, что вполне возможно, хотя, нужно признаться, ненаучно [! — С. А.], рассматривать их вместе»¹⁹⁰. Второй, посчитав «совершенно неправильным» именовать сартом каждого оседлого туземца, тут же заключал, что это название имеет «...не столько этническое, сколько бытовое значение...», а потом без всякого смущения говорил о сартах как о «смешанной народности» с большой примесью «иранской крови»¹⁹¹.

¹⁸⁷ Шишов А. Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. I. Этнография. Ташкент, 1910. Шишов, в частности, писал, что «...Таджики исповедуют магометанскую религию шиитского толка...», отождествляя таджиков и шиитов, шиитов и исмаилитов, собственно таджиков, включая дарвазцев, каратегинцев и др., с памирскими народностями, которые говорят на своих собственных языках (Там же. С. 245). Такая путаница была характерна для многих писавших о Средней Азии.

¹⁸⁸ Лавров М. В. Туркестан. География и история края. М., 1914. С. 34; Лавров М. В. Туркестан. География и история края. 2-е изд. М. — Пг., 1916. С. 40, 41.

¹⁸⁹ Гейер И. И. Путеводитель по Туркестану. Ташкент, 1901. С. 7. В новом издании под названием «Весь Русский Туркестан» (1908) Гейер выразился несколько иначе: «...несомненно, что они [сарты — С. А.] принадлежат к Тюрко-Иранской расе...», причём, несмотря на «...общее сходство между собой, таджик и сарт во многом отличаются друг от друга...» (Гейер И. И. Весь Русский Туркестан. Ташкент, 1908. С. 31). В последней книге покойного к тому времени Гейера «Туркестан» (1909) фраза о том, что сарты и таджики «отличаются друг от друга», исчезла (Гейер И. И. Туркестан. Ташкент, 1909. С. 44–45).

¹⁹⁰ Миропиев М. А. О положении русских инородцев. СПб., 1901. С. 367.

¹⁹¹ Масальский В. И. Туркестанский край. СПб., 1913. С. 393.

Общая сумятица в головах по поводу «проблемы сартов» повлияла и на признанных авторитетов в изучении среднеазиатского общества. В своих новых работах они стали делать больше оговорок и более обтекаемо, иногда двусмысленно формулировать свои утверждения.

Тот же Н. А. Остроумов в третьем (и последнем) издании книги «Сарты» (1908)¹⁹² подробно изложил содержание дискуссии между Бартольдом и Лапиным, обильно процитировав обоих¹⁹³. Сам Остроумов явно был на стороне Бартольда, но и игнорировать мнение Лапина не мог. Автор «Сартов» вынужден был даже признать близость сартов и узбеков, что следует из такой цитаты: «...сартовское население города Ташкента насыщено кровью тюркских племён, особенно узбеков...»¹⁹⁴. И всё же Остроумов позволил себе едкую критику лапинской позиции: «...невозможно вновь установить предлагаемое г. Лапиным выражение ново-узбекский язык, вместо сартский язык, так как по прихоти одного человека такие названия не прививаются в народе и науке...»¹⁹⁵. Дальнейшая история, однако, рассудила иначе, посмеявшись над этой самоуверенностью.

В последней книге В. П. Наливкина «Туземцы раньше и теперь» (1913) была повторена ещё раз его прежняя этнографическая классификация среднеазиатских народностей¹⁹⁶. Тем не менее в новой версии появились некоторые модификации. Теперь у него сарты, т. е. оседлые жители, подразделялись на осевших тюрков (или узбеков) и таджиков. Замечу здесь, что раньше Наливкин в том же контексте писал «узбеки (или тюрки)» — таким образом, статус термина «узбек» в «Туземцах» понизился. Изменения произошли и в наименовании кочевников, которых автор прежде скопом называл узбеками, а на этот раз стал именовать более общепринятыми терминами «киргизы» и «тюрко-монголы»¹⁹⁷. В состав «этнографического конгломерата», как он назвал сартов, Наливкин включил также местных арабов, евреев, принявших ислам, и цыган, осартившихся татар (ногаев) и персов¹⁹⁸.

Можно ли говорить о том, что в последней книге Наливкин отказался от того, чтобы ставить знак равенства между сартами и узбеками? Осно-

¹⁹² Остроумов Н. П. Сарты: Этнографические материалы (общий очерк). Ташкент, 1908. С. 53–91. Третье издание в основном повторяло содержание первого издания. Остроумов расширил главу «Общая характеристика сартов», поместив в её начало подробные данные о внешнем облике сартов (раньше глава начиналась с описания их психологии), а также заменив в конце главы призыв к «просвещению» сартов в конце главы на призыв к их «образованию».

¹⁹³ Там же. С. 38–44.

¹⁹⁴ Там же. С. 56.

¹⁹⁵ Там же. С. 51.

¹⁹⁶ Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. С. 9.

¹⁹⁷ Там же. С. 7.

¹⁹⁸ Там же. С. 5–6.

ваний для таких выводов нет, хотя, конечно, наливкинский стиль стал не таким категоричным, как прежде¹⁹⁹.

В 1910 г. в Санкт-Петербурге в авторитетном журнале «Живая старина» появилась статья известного востоковеда-тюрколога А. Н. Самойловича «К вопросу о сартах» — рецензия на третье издание книги Остроумова «Сарты»²⁰⁰. Самойлович, который сам бывал в Средней Азии, попытался выявить некий общий для всех мнений результат и «примирить» разные точки зрения. Он поставил три разных вопроса и по каждому дал ответ. На первый вопрос — «...о первоначальной народности и первоначальном языке сартов (историческая точка зрения)...» — Самойлович ответил, что «...предки современных сартов были по крови и языку иранцами...»²⁰¹. На второй вопрос — о «...народности и языке нынешних сартов (современная точка зрения)...» — он ответил так: «...Иранцы-сарты (таджики то же) постепенно смешались, но не все, с пришельцами-турками и изменили свой тип и язык, хотя не утратили совершенно ни в том, ни в другом следов своего не-турецкого происхождения...»²⁰². На третий вопрос — об «...употреблении слова «сарт» в других значениях, помимо этнического...» — Самойлович ответил следующим образом: сегодня термин «сарт» часто используется в бытовом значении и так называется нередко «...горожанин и поселянин независимо от языка, на котором говорит названное так лицо...»²⁰³.

Из сказанного петербургский востоковед сделал вывод: «...Нового общего решения предвидеть нельзя, а имеющееся решение не даёт права, как уже указал В. В. Бартольд, совершенно отказаться от употребления слова «сарт» в качестве этнического и лингвистического соб. имени, хотя и требует осторожного с ним обращения...»²⁰⁴. При этом он подчеркнул,

¹⁹⁹ Любопытная деталь: Наливкин на протяжении всей своей деятельности в Туркестане активно занимался изучением местных языков и изданием соответствующих пособий и словарей — всегда местный вариант тюркского наречия именовался у него «сартовский язык». Последний же (неизданный) труд Наливкина, над которым он работал вплоть до своей трагической смерти в начале 1918 г., назывался «Русско-узбекский словарь». Впрочем, когда появилось это название — неясно.

²⁰⁰ Самойлович А. К вопросу о сартах // Живая старина. Вып. 3. СПб., 1910 (отд. отт.). Любопытно, кстати, что он характеризовал книгу Остроумова как труд «государственного деятеля», а не «этнографа» (Там же. С. 1).

²⁰¹ Там же. С. 3.

²⁰² Там же. С. 3.

²⁰³ Там же. С. 4.

²⁰⁴ Там же. С. 5. А. Яновский в статье «Сарты» в Словаре Брокгауза и Ефрона осторожно формулировал, что сарты — это «...название оседлых жителей городов и селений об. Сыр-Дарьинской и части Ферганской и Самаркандской...» (Сарты // Энциклопедический словарь... / Под ред. Ф. Брокгауза и И. Ефрона... Т. 28а. СПб., 1900. С. 449). В статье не употреблялись слова «народ» или «народность»,

что «...Не всякий среднеазиатец, называющий себя или называемый другими — сартом, есть действительно сарт в этническом значении этого слова, не-сартами могут оказаться и многие из тех, кого сопричисляют к сартам официальные документы, русские и туземные...»²⁰⁵.

Проблема сартов глазами «туземцев»²⁰⁶

В 1912 г. в «Туркестанских ведомостях» в заметке «Происхождение слова «Сарт» М. Ф. Гаврилов, ученик Самойловича, опубликовал перевод письма кокандского жителя Мухаммед-Амина Мухаммед-джанова в «туземную» газету «Вакт» (Время), где говорилось в виде обращения к татарам — издателям газеты: «...Да будет известно, что слово “сарт” не является названием нации, оно дано нам русскими и лишено всякого основания...»²⁰⁷. «Туземец» посчитал необходимым назвать свой народ именем «турк», ссылаясь на оскорбительность термина «сарт». Гаврилов резюмировал: «...Поистине письмо не лишённое всестороннего интереса...». На эту заметку тут же откликнулся Остроумов²⁰⁸. Он повторил собственные выводы, уже неоднократно публиковавшиеся: слово «сарт» «ничего обидного для туземцев не заключает в себе, так как означает горожанина <...> или торговца», русские же «не выдумывали этого названия, а нашли его готовым при занятии Туркестанского края». Остроумов

хотя говорил о сартах как о «типе». В том же словаре в статье «Узбеки», написанной Л. Я. Штернбергом, известным советским этнографом-сибиреведом, утверждалось, что узбеков «трудно отличить» от сартов, что сарты и таджики — «aborigены страны иранского происхождения» — сливаются с узбеками, что само имя «узбеки», которым себя называют киргизы, каракиргизы, сарты и таджики, «потеряло чисто-этнографическое значение» (Узбеки // Там же. Т. 34а. СПб., 1902. С. 608–609).

²⁰⁵ Самойлович А. К вопросу о сартах... С. 5. В конце своей рецензии Самойлович привёл личные наблюдения из поездки по Средней Азии. Он, в частности, «сильно усомнился» в том, что слово «сарт» в Ташкенте, Самарканде и Бухаре употребляется ныне «для обозначения племени и языка» (и выразил согласие в этом с Лапиным), но категорически посчитал «себя в праве» отстаивать этническое значение этого слова в Хивинском ханстве (Там же. С. 5).

²⁰⁶ Я употребляю дореволюционное слово «туземец» в нейтральном значении «местный житель», чтобы избежать современных этнических делений. В то время местные жители осознавали свое единство и свою общность в гораздо большей степени, чем сегодня. Одновременно мне представляется важным передать «вкус» языка, на котором говорило русское общество на рубеже XIX–XX вв.

²⁰⁷ Гаврилов М. Происхождение слова «Сарт» // ТВ. 20 октября (2 ноября) 1912, № 236.

²⁰⁸ Остроумов Н. Русские не выдумывали слова «сарт» // ТВ. 26 октября (8 ноября) 1912, № 241.

резко выступил против названия «турк», увещевая «туземцев», что им надо подчёркивать свою индивидуальность и отличие от османских турков²⁰⁹.

В этой дискуссии второй раз — после спора Бартольда и Лапина — «прямая речь» самих «туземцев» была представлена в спорах русских этнографов и востоковедов. Причём «голос туземца» не сам вмешался в спор, а его цитировал русский же исследователь. Разумеется, и раньше имперские учёные и чиновники постоянно находились в личном контакте с «туземцами»-интеллектуалами и обменивались с ними мнениями по самым разным вопросам. Но равноправными участниками публичных научных дискуссий «туземцы» не являлись — за исключением Лапина. Причиной такого положения дел был не только заведомо асимметричный статус русских и «туземцев», при котором первые были субъектом, а вторые объектом изучения. В самом «туземном» обществе не было потребности вступать в какую-то интеллектуальную дискуссию с империей. Это общество, раздробленное на локальные общины, продолжало жить по старым правилам и управляться дедовскими законами. Что о них думают русские, как их называют — мало кого волновало.

Однако всё когда-нибудь кончается. Наступило время, когда в силу внутреннего развития и под воздействием разнообразных внешних импульсов среднеазиатская элита задумалась о собственном месте в современном модернизирующемся мире и о собственной роли в жизни колониального общества. Одним из сюжетов таких размышлений стало осмысление себя и окружающих людей как национального целого, у которого есть своя историческая судьба, своё лицо и... своё имя.

Упомянутая публикация в «Туркестанских ведомостях» отразила довольно активное обсуждение «проблемы сартов» в «туземной» печати, которая издавалась сторонниками прогрессивных реформ мусульманского общества — джадидами²¹⁰. В татароязычной оренбургской газете «Шура» (Совет) в 1911 г. самаркандец Махмуд-ходжа Бехбуди, один из самых

²⁰⁹ В 1910 г. директор Департамента полиции МВД писал в циркулярном письме начальникам районных и охранных отделений и губернских жандармских управлений: «...выдающиеся турецкие и русские мусульманские публицисты в последнее время усиленно занимаются открытием племён, принадлежащих к одной с ними расе, в целях возбуждения в них ненависти к России и присоединения их к будущей общей мусульманской федерации...» (Мусульманское движение в Средней Азии в 1910 г. (По архивным материалам департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи) (Публикация Д. Ю. Арапова) // Сборник Русского исторического общества. Т. 5 (153). М., 2002. С. 131).

²¹⁰ См. подробнее: Боровков А. К. Узбекский литературный язык в период 1905–1917 гг. Ташкент, 1940. С. 13–14; Baldauf I. Some Thoughts on the Making of the Uzbek Nation // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. XXXII (1), Paris, janvier-mars 1991; Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1998. P. 204–208.

влиятельных людей в джадидском движении Средней Азии, опубликовал статью «Слово “сарт” неизвестно». Он писал, вольно или невольно повторяя аргументы Лапина, что происхождение этого слова непонятно, что сами себя сартами среднеазиатские местные жители не называют, что так прозвали их северные соседи — казахи и татары и что у последних это имя заимствовали русские²¹¹. Махмуд-ходжа Бехбуди поддержал его друг Бака-ходжа, который в большой статье «Слово “сарт” ненастоящее» в той же газете и в том же году отрицал существование народа «сарты»: «...Жители Туркестана <...> являются, с точки зрения расы и национальности, по преимуществу тюрками и таджиками...», «...прозвание узбеко-тюркского населения пяти областей русского Туркестана и ханств Бухары и Хивы “сартами” неправомерно, навязано <...> оно является громадной ошибкой...»²¹². Бака-ходжа, знавший русский язык, сослался на книгу Остроумова «Сарты» и несогласие с ней Лапина, упомянул о скептическом отношении к слову «сарты» Гейера, об отсутствии термина у Логофета²¹³, об употреблении его востоковедом Вамбери в значении «таджики»²¹⁴. Редактор газеты подвёл черту: попытки реабилитировать слово «сарт» историческими аргументами несостоятельны и от него следует отказаться²¹⁵.

Факт ссылок Бака-ходжи на русские источники сам по себе выглядит весьма примечательным. Наверное, не замечая того, «туземный» интеллект по сути дела пытался копировать западную манеру обсуждения и аргументации. Он выступал против имперских классификаций и при этом сам встраивал своё несогласие в имперскую традицию классифицирования.

В 1915 г. Махмуд-ходжа Бехбуди, будучи редактором журнала «Ойна» (Зеркало), повторно опубликовал свою старую статью о термине «сарт», существенно дополнив и обновив её. Он повторил, что «сартами» русские, татары и казахи называют всё население Туркестана, будь то «турки, таджики или арабы», в Афганистане же, Иране и Индии тюркоязычное население региона обычно называется «узбеками» или «тюрками», слова «сарты» «там не знают»²¹⁶. Среди 92 племён (кабила-уруг), которые объ-

²¹¹ Махмуд-ходжа Бехбуди. Избранные произведения. Ташкент, 1999. С. 193 (на узб. языке).

²¹² Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform. P.205; Махмуд-ходжа Бехбуди. Избранные произведения. С. 197.

²¹³ Д. Н. Логофет написал несколько книг о Бухарском ханстве (см., например, «Бухарское ханство под русским протекторатом» (Т. 1–2. СПб., 1911)). Любопытно, что и Логофет, и Гейер принадлежали к «прогрессивной» части российского общества и имели тесные контакты со среднеазиатскими джадидами.

²¹⁴ Статью Бака-ходжи изложил подробно Махмуд-ходжа Бехбуди: Махмуд-ходжа Бехбуди. Избранные произведения. С. 196–197.

²¹⁵ Baldauf I. Some Thoughts on the Making of the Uzbek Nation. P. 93.

²¹⁶ Махмуд-ходжа Бехбуди. Избранные произведения. С. 193–194.

единили «тюркские народы» (эл), также нет «сартов». Бехбуди вспомнил, что некоторые средневековые источники говорили о «сартах», и сделал такой вывод: «...Предположительно, когда-то племя [кабила — С. А.] сарт существовало, но теперь род [уруг — С. А.] сартов не существует...»²¹⁷. Автор не отрицал — есть распространённое мнение, что имя «сарт» в последнее время «стало известным, поэтому отказываться от него не нужно». Против такой позиции, очень похожей на аргументацию Остроумова, Бехбуди привёл свой аргумент: джадидов, или сторонников прогресса, иногда называют «бабидами»²¹⁸, но это не значит, что и сами джадиды-мусульмане так должны себя называть, поскольку бабиды не являются мусульманами²¹⁹.

Если «турков, арабов и персов» в Средней Азии трудно отличить друг от друга, писал Махмуд-ходжа Бехбуди, и необходимо как-то назвать их одним именем, то надо называть их «туркестанцами» или «туркестанскими мусульманами»²²⁰. Вслед за этим призывом в статье «Слово “сарт” неизвестно» следовала замечательная фраза: «...возможно, столетие спустя, когда в Туркестане известные ныне евреи, русские, турки, таджики и арабы оденут одну одежду и объединятся, вы ещё назовёте всех их “сартами”...»²²¹.

В рассуждениях Бехбуди обращают на себя внимание два обстоятельства. Первое заключается в том, что джадидского автора, как и его оппонентов из числа русских учёных и чиновников, мало интересовало мнение самих людей, о которых шла речь. Бехбуди говорил от имени «народа» и одновременно проповедовал этому «народу», как должно быть. Вторая особенность его стиля — повторение «западной», европейской научной традиции аргументировать свою позицию, т. е. обязательные ссылки на исторические «источники», генеалогии, мнения известных учёных и т. д. Бехбуди, споря о сартах с русскими исследователями (прежде всего с Остроумовым), рассуждал вполне «по-русски» или «по-западному» в надежде, что только в этом случае он будет услышан и его точка зрения приобретёт легитимный характер.

²¹⁷ Там же. С. 198.

²¹⁸ Бабиды — сторонники движения бабидов, или бахаизма.

²¹⁹ Махмуд-ходжа Бехбуди. Избранные произведения. С. 198.

²²⁰ Впрочем, отношение Махмуд-ходжи Бехбуди к тому, как следует называть среднеазиатское население, было непоследовательным. В статье «Не два, четыре языка необходимы» он утверждал, что «...большинство населения Туркестана говорит по-узбекски...» (Там же. С. 150), но при этом термин «узбекский» он употреблял наравне с термином «тюркский». В статье «Проблема языка» он называл «тюркский говор» среднеазиатцев «узбеко-чагатайским» или просто «чагатайским» (Там же. С. 183–184).

²²¹ Там же. С. 199.

Стоит отметить, что на отношение туркестанских джадидов к термину «сарты» большое влияние оказывали поволжские и крымские джадиды²²². Махмуд-ходжа Бехбуди ссылался, например, на мнение известного татарского публициста Исмаил-бея Гаспринского, который писал, что жители Туркестана скорее готовы называть себя «узбеками или турками», нежели «сартами»²²³. Против термина «сарт» выступал и другой известный деятель тюркского движения в России — востоковед по образованию, будущий башкирский националист и идеолог среднеазиатского басмачества — Заки Валиди Тоган²²⁴.

В защиту названия «сарты» выступила «Туркестанская туземная газета»²²⁵, редактором которой был Остроумов. В 1913 г. в ней было, например, опубликовано письмо жителя г. Ош, утверждавшего, что «сарт» — это не уничижительное прозвище, оно скорее указывает на высокий культурный уровень, поэтому такое имя могло бы сделать население Туркестана «более развитым»²²⁶. Другой автор в той же газете писал,

²²² *Baldauf I. Some Thoughts on the Making*. P. 80. В российской татароязычной прессе (в журнале «Шура» и др.) в это же время, т. е. 1910–е гг., шла в чём-то схожая дискуссия о самоназвании мусульман Поволжья: в качестве альтернатив рассматривались термины «тюрки» и «татары» (*Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // Ab Imperio*. 2003, № 3. С. 344–345).

²²³ *Baldauf I. Some Thoughts on the Making*. P. 80; *Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform*. P. 206. В статье «Необходима «История Туркестана»» Махмуд-ходжа Бехбуди выражал надежду, что именно «молодой историк» Ахмад Заки Валиди напишет «национальную» историю Туркестана (*Махмуд-ходжа Бехбуди. Избранные произведения*. С. 179).

²²⁴ *Махмуд-ходжа Бехбуди. Избранные произведения*. С. 199. Следует отметить, что Ахмад Заки Валиди, чьи работы по истории и этнографии пользовались огромной популярностью среди джадидов России, был хорошо знаком с русскими трудами по истории тюркских народов и Средней Азии, лично знал многих известных российских востоковедов, в том числе В. В. Бартольда, А. Н. Самойловича, А. А. Семёнова, В. П. Наливкина и др. (*Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрков за национальное существование и культуру*. М., 1997. С. 82–112).

²²⁵ Газета печаталась с 1870 г. на «сартовском» языке (в 1885–1901 гг. выходила с переводом на русский язык) и была своего рода рупором власти.

²²⁶ В 1914 г. в газете «Сади Фаргона» (Голос Ферганы) появилась статья некоего Мулло Абдуллобека, который доказывал, что слово «сарт» означает «образованный», «культурный» и этим именем надо гордиться (*Махмуд-ходжа Бехбуди. Избранные произведения*. С. 181). Кстати, эти факты противоречат, со всеми возможными оговорками, точке зрения А. Хаугена, который писал, что «...не было слышно голосов сартов, претендующих представлять некий народ сарты...» (*Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia*. NY: Palgrave Macmillan, 2003. P. 146).

что споры о названии не так важны и только разделяют мусульман, при этом он ссылался на немцев, имя которых по-русски означает «немой», но тем не менее никто не воспринимает это как оскорбление. Третий автор, подписавшийся «Сарт, сын Сарта», заявлял: «мы, сарты, не отвергаем это имя», «наша вера не придаёт значения именам и родственным группам»²²⁷. В «Туркестанской туземной газете» появилась также критика Махмуд-ходжи Бехбуди: автор обвинялся в том, что его статья по поводу «сартов» носит политический характер и провоцирует смуту, на что тот вынужден был ответить и подчеркнуть сугубо «исторический» и «научный» характер своих рассуждений²²⁸.

Вопрос о том, употреблялся ли термин «сарт» в качестве самоназвания «простыми людьми» на рубеже XIX–XX вв., большого значения не имеет. Различные источники (в том числе и цитированные выше) говорят об этом по-разному. Важно другое: споры о слове «сарт» из русской литературы и академических рассуждений перетекли в «туземный» дискурс, стали частью — негативной или позитивной — самосознания по крайней мере местной элиты, что указывает на процесс становления национальной самоидентификации, который, несомненно, уже начинался в среднеазиатском обществе в то время. Однако тогда это было только понимание потребности в национальном самосознании и не привело ещё к кристаллизации этой потребности в какую-либо точную формулу «этничности».

Сарты в переписи 1917 года

Февральская революция 1917 г. в одночасье разрушила всю прежнюю политическую структуру государства. Пространство теперь уже бывшей Российской империи превратилось в поле борьбы самых разнообразных социальных и политических групп. Началась жесточайшая битва за символические ресурсы, за привилегию говорить от имени классов и наций, за новые смыслы разного рода классификаций и названий. Недавние идейные монополисты утратили право решающего голоса, прежние аутсайдеры оказались вдруг востребованы со своими, как казалось ещё вчера, совершенно маргинальными идеологиями.

²²⁷ *Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform*. P. 206–207. Интересно, что в 1906 г. на всероссийском съезде кадетской партии, в котором участвовала особая мусульманская делегация во главе с одним из лидеров татарских националистов, Ю. Акчуриным, по требованию последней кадеты приняли поправки к своей программе, в том числе внесли в список наций, наряду с поляками и евреями, татар, сартов (!) и киргиз-казаков (*Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России*. Лондон, 1990. С. 58).

²²⁸ *Махмуд-ходжа Бехбуди. Избранные произведения*. С. 214.

Для утверждения и распространения новых смыслов нужны были легитимные механизмы. Это могли быть любые собрания, мероприятия, события, в которых власть выступала в роли принимающей решения инстанции.

В 1917 г. была организована, казалось бы, рядовая сельскохозяйственная перепись. Её целью было уточнение размеров земельных владений, количества и поголовья скота, выяснение социально-классовой структуры среднеазиатского общества. Высший местный орган управления — Туркестанский комитет Временного правительства — был против переписи, считая её неуместной в условиях политического и экономического кризиса, но министр земледелия настоял на своём. Проводилась перепись специально откомандированной из Петрограда группой сотрудников, представлявших государственные органы по землеустройству. Она была сплошной, велась в основном силами преподавателей и учащихся на протяжении лета и осени 1917 г. и была закончена лишь в январе 1918 г. из-за прекращения финансирования. До некоторых районов переписчики так и не доехали.

Основным формуляром, как и во время переписи 1897 г., была подворная карточка, в которой каждому члену семьи посвящалась отдельная строка. Строки «национальность» — и это я хотел бы особо подчеркнуть — в этом формуляре не было, поскольку задачи выяснять национальный состав региона никто не ставил. Но тем не менее одновременно с подворными карточками переписчики вели поселенные списки, в которых была строка о национальности домохозяйина. Вполне вероятно, что как такового опроса глав домохозяйств по поводу их национальности в 1917 г. вовсе не было, а общие данные брались из поволостных сводок местных администраций²²⁹.

Несмотря на свой сугубо хозяйственный замысел, перепись всё же предоставила возможность политикам продемонстрировать и закрепить, используя научную легитимность процедуры сбора информации, новый подход к этнографической классификации. В начале 1920-х гг. этнограф И. И. Зарубин, который составлял свой список народов Средней Азии, специально обратился к сельскохозяйственной переписи 1917 г. как самой близкой по времени попытке описать местное население. Комментируя итоги этой работы, Зарубин указал на потрясающую деталь: «...уже во время работ [по подготовке переписи — С. А.] руководителями было разъяснено [!!! — С. А.] сотрудникам, что особого народа сарт не существ-

²²⁹ Во всяком случае, «обнаруженная» в ходе переписи 1917 г. номенклатура национальностей очень напоминала те классификации, которые создавались местными статистическими комитетами в начале столетия.

ует и что этот термин всюду должен быть заменён [должен!!! — С. А.] словом узбек...»²³⁰.

Нет сомнения, что такой шаг был сделан из политических соображений. Изменившаяся после февраля 1917 г. ситуация требовала от новых туркестанских руководителей вступления в равноправный диалог с «туземной» элитой. Две стороны должны были найти формулу соглашения, в которой были бы признаны и единство прежней страны, и некая субъектность бывших «инородцев» в её будущем политическом устройстве. Одним из пунктов торга по поводу такого неформального соглашения, видимо, и было принятое решение отказаться от термина «сарт». Этот отказ, во-первых, символизировал разрыв с великодержавным характером имперского правления времён «царизма». Во-вторых, «туземные» партии ещё раз продемонстрировали тюркский вектор своих политических ожиданий²³¹.

Кто и как принял это распоряжение? На этот вопрос пока ответа нет. Можно лишь вспомнить тот факт, что в середине 1917 г. исключительно важную роль в политических дебатах играли два персонажа, о которых говорилось выше. Во главе Туркестанского комитета Временного правительства с июля по сентябрь 1917 г. стоял В. П. Наливкин, который как учёный был склонен ставить знак равенства между сартами и узбеками, а политически, будучи социалистом, был настроен искать компромисс с местной интеллигенцией. Одним из партнёров (и оппонентов?) Наливкина на политической арене был лидер консервативной партии «Шурои Уламо» (Совет богословов) С.-А. Лапин, категорически выступавший за замену имени «сарт» на «узбек». Наливкин и Лапин были, безусловно, давно знакомы — Лапин учился у Наливкина в Туркестанской учительской семинарии во второй половине 1880-х гг., затем их пути пересеклись

²³⁰ Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края. Л., 1925. С. 15–16. Летом 1917 г. в статье «О национальном вопросе в Туркестане» некто И. Первышев, обсуждая проблему прав коренных народностей на самоопределение, писал: «...Мы знаем, что население Туркестана составляют: таджики, наиболее древние жители этой страны, узбеки, киргизы..., каракалпаки, туркмены, йомуды [!? — С. А.], персы, татары, индусы, европейцы, евреи бухарские и т. д....» (Первышев И. О национальном вопросе в Туркестане // ТВ. 20 июня (3 июля) 1917, № 71). Сартов в этом перечислении нет.

²³¹ Весной 1917 г. в Туркестане повсеместно происходили — при участии членов партии «Шурои Исламия» (Исламский совет) — митинги и собрания, на которых обсуждалась революция в России. На одном таком собрании в Катта-кургане (Самаркандская область) местные муллы говорили, что «...прислужники царя, издеваясь над нами, называли нас “сартами” вместо узбеков. Это слово отныне должно быть упразднено и все наши сограждане русские должны называть нас своим именем узбеков...» (Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2004. С. 157).

в 1896–1899 гг., когда они оба служили в администрации Самаркандской области²³². Уже тогда не без участия этого тандема самаркандский статистический комитет практически отказался от широкого употребления термина «сарт». В 1917 г. Наливкин и Лапин стояли на разных политических позициях — первый сочувствовал левым джадидам и опасался растущего влияния их соперников из «Шурои Уламо», которым руководил второй. Тем не менее, возможно, их совместными усилиями, при участии, конечно, других деятелей и партий²³³, была предпринята первая попытка в рамках всего Туркестана переписать сартов «узбеками»²³⁴.

Сарты как узбеки

После ухода Наливкина и Лапина с политической сцены²³⁵ и появления во власти большевиков тема сартов была на какое-то время забыта или отодвинута на задний план. По инерции существовали прежние классификации и вполне легально одновременно — можно сказать, параллельно — использовались старые термины и новые их значения²³⁶.

²³² Наливкин и Лапин были, в частности, соавторами статьи «Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений туземного населения Самаркандской области с некоторыми указаниями на их историческое прошлое» в «Сборнике материалов по мусульманству» (Т. 1. СПб., 1899).

²³³ Не только Лапин, но и другие представители «туземной» элиты — как левые по убеждениям (Убайдулла Ходжаев), так и правые (Махмуд-ходжа Бехбуди, Мунаввар-кори Абдурашидханов) — были противниками имени «сарт».

²³⁴ В совещаниях по поводу проведения сельскохозяйственной переписи 1917 г. участвовали представители не только органов статистики и местной власти, но и разного рода политических партий и общественных движений, включая туземных партий (см.: ТВ, 3 (16) июня 1917, № 57). Правда, я пока не видел письменного указания об исключении от имени «сарт».

²³⁵ Наливкин в начале 1918 г. покончил жизнь самоубийством, в том же году Лапин вынужден был уехать из Туркестана.

²³⁶ Интересная тема — политические взгляды лидеров басмаческого движения, в том числе отношение к «национальному вопросу» и их «национальная» идентичность. Большинство «полевых командиров» — курбаши — были людьми в политике неискушёнными, больше озабоченными своей властью и отношениями с конкурентами. Но что, безусловно, сразу бросается в глаза при поверхностном взгляде на историю басмаческого движения — это та идеологическая роль, которую пытались играть в антибольшевистском сопротивлении бывшие джадида с их представлениями о «Туркестане» и «туркестанцах» как части «тюркского мира». Неслучайно в басмаческом движении принимали активное участие лидеры татаро-башкирского национального движения и даже Энвер-паша, один из лидеров «младотюрков» (см.: *Заки Валиди Тоган*. Воспоминания; Туркестан

Городская «туземная» элита всё чаще именовала себя «узбеками»²³⁷, население сельских районов по старинке спокойно воспринимало название «сарты». В политической сфере термин «узбек» использовался чаще и более официально. В 1918 г. Туркестанский ЦИК принял постановление, которым государственными, кроме русского, объявлялись «местные преобладающие языки» — «узбекский» и «киргизский».

В январе 1920 г. председатель Туркестанского Центрального исполнительного комитета Т. Рыскулов, казах по происхождению, выступил с идеей создания «Тюркской советской республики» (или «республики тюркских народов»). Присланная из Москвы Туркестанская комиссия, которую возглавлял М. В. Фрунзе, идею «Тюркской республики» отвергла. Тогда же, в противовес коммунистическому «пантюркизму», появился план разделения Туркестана на национальные территории. В марте 1920 г. ЦК РКП(б) и ВЦИК РСФСР приняли новое Положение об автономии Туркестана, в котором говорилось, что Туркестан — республика «...основных народов, его населяющих: туркмен, узбеков, киргизов, с областным делением по существующим национальным группировкам, экономическому и бытовому укладу...»²³⁸. В 1920 г. при ЦК компартии Туркестана были созданы три соответствующих национальных секции, при Туркестанском ЦИК — три национальных отдела (в 1921 г. они были переподчинены Наркомнацу Туркестана).

Все эти события (в том числе перепись 1920 г.) возродили интерес к этнографическим сюжетам. Вслед за определением официальной номенклатуры основных среднеазиатских национальностей встал вопрос об их территориальной и культурной «конфигурации». Кого считать узбеком? Разумеется, тут же возникла заново «проблема сартов». В Центре и в самом Туркестане стали появляться работы, авторы которых научно обосновывали необходимость и неизбежность смены термина «сарты» на термин «узбеки». В Туркестане эту точку зрения представлял статистик И. П. Магидович, в Центре — этнограф И. И. Зарубин. Оба — из нового поколения исследователей (и тому и другому было чуть более 30 лет), оба сочувственно встретили советские перемены.

в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 164–243).

²³⁷ М. С. Андреев писал в начале 1920-х гг., что «...Сарты гор. Ташкента в настоящее время в кругах, коснувшихся европейского образования [!!! — С. А.], предпочтительно именуют себя узбеками...» (*Андреев М. С.* Вещие сны, несколько примет и детская игра «Сорока-Ворона» среди некоторых народов, главным образом Средней Азии. Материалы по этнографии // *Известия Главного Средне-Азиатского Музея*. Т. 2. 1923. С. 4).

²³⁸ *Известия ТуркЦИК*. 24 марта 1920 г. (цит. по: *Гордиенко А. А.* Создание советской национальной государственности в Средней Азии. М., 1959. С. 93).

Наибольшие усилия для дискредитации термина «сарт» приложил И. П. Магидович. Совмещая в своём лице функции учёного и чиновника²³⁹, Магидович непосредственно отвечал за создание и обоснование списка национальностей.

В «Отчёте о деятельности Совета народных комиссаров и Экономического совета Туркестанской республики» (1922) Магидович признавал, что «...многие этнографы склонны считать их совершенно различными народностями...»²⁴⁰. Тот факт, что их [сартов и узбеков. — С. А.] можно противопоставить как «несомненным тюркам» (казахам и кыргызам), так и «несомненным арийцам-таджикам», — был для него очевиден, но вопрос о том, «...чем отличаются в настоящее время сарты от узбеков, которые говорят на том же наречии тюркского языка, имеют одинаковые обычаи и уклад жизни...», оставался, с его точки зрения, невыясненным²⁴¹. Как писал Магидович, «...во многих случаях один и тот же народ отмечался то сартами, то узбеками, в зависимости от предвзятой точки зрения регистраторов...» и «...само опрашиваемое население не видело резкого различия между названиями “узбек” и “сарт”...»²⁴².

В «Статистическом ежегоднике 1917–1923 гг.» (1924) Магидович в специальном разделе «Национальный состав» (в главе «Население ТССР в 1920 г.») назвал «преобладающей народностью» узбеков вместе с «почти слившимися с ними» сартами²⁴³. Автор пояснил, что «...Узбеки объединены с сартами, так как, по материалам переписей 1917 и 1920 гг. нет возможности отделить их, тем более, что язык у них общий. К ним причислены также мелкие группы, говорящие по-узбекски (например, кашгарские сарты, или “кашгарлыки” и т.п.). Так называемые “ходжа” и “арабы” причислены к тем народностям, среди которых они живут и на чьём языке

²³⁹ Биография Магидовича мало известна специалистам по Средней Азии. Иосиф Петрович Магидович родился в 1889 г. и умер в 1976 г. В Туркестане он работал зам. заведующего Отдела демографической статистики Центрального статистического управления Туркестанской республики, был руководителем Комиссии по районированию. Несмотря на свой молодой возраст и вроде бы не очень значительную должность, это был человек, который принимал непосредственное участие в подготовке материалов для принятия политических решений. Позднее он работал в ЦСУ СССР, преподавал на Географическом факультете МГУ. Его перу принадлежит известная книга «Очерки по истории географических открытий».

²⁴⁰ Магидович И. П. Население // Отчёт о деятельности Совета народных комиссаров и Экономического совета Туркестанской республики на 1-ое октября 1922 года. Ташкент, 1922. С. 54.

²⁴¹ Там же. С. 54.

²⁴² Там же. С. 54.

²⁴³ Магидович И. П. Население ТССР в 1920 г. // Статистический ежегодник 1917–1923 гг. Т.1. Ташкент, 1924. С. 45.

говорят...»²⁴⁴. Любопытно, что, говоря об объединении сартов с узбеками (и причислении к последним других мелких племён), Магидович ссылаясь на техническое удобство такого шага. Дело в том, что при составлении демографической и этнографической карты Туркестана ему пришлось использовать несколько разнородных источников — результаты переписей 1917 и 1920 гг., которые были неполными и не охватывали все районы, а также более ранние данные текущей статистики (в том числе по Фергане — «Список населённых мест» 1909 г.). В каждом из этих источников была своя собственная этнографическая номенклатура, поэтому для того, чтобы свести их к общему знаменателю, технически было удобно рассматривать сартов и узбеков вместе.

Позиция Магидовича была точкой зрения не этнографа, лингвиста, антрополога или историка, для которых важны национальные (или этнографические) типы, а точкой зрения статистика-чиновника, которой должен был предложить методику выяснения национальности конкретного человека. Отсюда вполне практичное наблюдение автора, что отличить «...сартов от узбеков и подсчитывать, сколько зарегистрировано тех и других, значило бы фиксировать такое деление, которого в действительности не существует...»²⁴⁵. Правда, из этого прикладного соображения автор сделал общий вывод: «...Таким образом, жизнь, по-видимому, стирает ту грань, которая была раньше [всё-таки была!!! — С. А.] между этими двумя народностями, и полное слияние их является вопросом не очень отдалённого будущего. Но слияние это может произойти только таким образом, чтобы название “сарт” совершенно исчезло, поглощённое понятием “узбек”...»²⁴⁶.

В публикации 1924 г. Магидович приветствовал политический выбор сартов: «...Сартами теперь называют издревле оседлый народ тюрко-иранского

²⁴⁴ Там же. С. 84. Разрабатывая материалы по Ферганской области, Магидович отнёс к числу «узбеков» целую группу «родственных им народов, почти ассимилировавшихся с ними», — кашгарцев, кураминцев, кипчаков и каракалпаков, а также «тюрков» (Магидович И. П. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 года // Материалы Всероссийских переписей. Перепись населения в Туркестанской Республике. Вып. 4. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 года. Ташкент, 1924. С. 22–23). Впрочем, автор указал соответствующие данные по этим более мелким группам как в тексте, так и в таблице.

²⁴⁵ Магидович И. П. Население... С. 55.

²⁴⁶ Там же. С. 55. Ту же мысль Магидович повторил, анализируя национальный состав Сырдарьинской области (Магидович И. П. Обзор итогов демографическо-профессиональной переписи 1920 года в Сыр-Дарьинской области // Материалы Всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения в Туркестанской Республике. Ч. 1. Поселенные итоги. Вып. 3. Поселенные итоги Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1923. С. 51–52).

происхождения, говорящий на узбекском языке. По происхождению они следовательно, отличаются от узбеков <...>. Оседлые турки Самаркандской обл. давно уже начали называть себя узбеками. Такое же явление наблюдается теперь в Фергане и Сыр-Дарьинской обл. Сотни тысяч сартов именуют себя узбеками и свой язык узбекским. Они уже не сознают себя отдельной народностью и вопреки мнению учёных утверждают своё единство с узбеками. Противоположное явление нигде не отмечалось: не было случая, чтобы подлинные самаркандские, бухарские, хивинские или аму-дарьинские узбеки называли себя сартами. Понятно, почему именно название «сарт» исчезает, уступая понятию «узбек». Повсюду, где сарты раньше сталкивались с узбеками, последние занимали господствующее положение и захватывали в свои руки политическую власть <...>. Кочевники-узбеки презирали оседлых земледельцев-сартов <...>. Слово «сарт» в устах узбеков (так же, как и киргиз) было бранным. Естественно, что многие из сартов сами начали считать недостойным для себя носить такое название, тем более что не видели никакого отличия между собой и узбеками. Вот почему в последние годы было отмечено так много узбеков в тех местностях, которые всегда считались населёнными одними только сартами. Это явление носит слишком массовый характер, чтобы можно было его объяснять недостатками регистрации переписи 17 года...»²⁴⁷. Ссылка на недостатки «регистрации» в 1917 г., видимо, косвенно напоминает о решении статистиков переписывать всех сартов в узбеки. Магидович же явно пытается доказать обратное: массовое стремление сартов записываться узбеками — инициатива самого населения, а не результат административного своеволия. В этих рассуждениях прочитываются отголоски письменно незафиксированных дискуссий о том, имеют ли право чиновники (статистики) вольно манипулировать племенными именами²⁴⁸.

²⁴⁷ Магидович И. П. Сельское население Ферганской... С. 43.

²⁴⁸ Очень любопытными были итоги переписи 1920 г. в Самаркандской области. Отвечая на вопрос о своей национальности, многие жители этой области — которых при обработке данных записали «узбеками» — называли свои «родовые» имена (Магидович И. П. Обзор итогов демографическо-профессиональной переписи 1920 года в Самаркандской области // Материалы Всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения в Туркестанской Республике. Ч. I. Поселенные итоги. Вып. 5. Поселенные итоги Самаркандской области. Ташкент, 1924. С. 35). В Самаркандском уезде таковых было 69% от общего числа всех «узбеков» (Там же. С. 40). Они называли не только известные родовые имена вроде «мангытов», «найманов» и др. (автор отметил, что некоторые из этих групп говорят на таджикском языке [!!! — С. А.] (Там же. С. 35)), но и «арабы», «калмаки», «каракалпаки», «кипчаки», «юзы», «мультаны» (их иногда относят к цыганам), «туркмены», «сарты», «ходжа», «сайет» (сейиды, т. е. потомки Пророка?), «тюрки» (о последних автор пишет, что они настолько непохожи на остальных узбеков, что у некоторых этнографов возник вопрос «узбеки ли турки?» (Там же. С. 35,

В другой своей работе — «Материалы по районированию Средней Азии» (1926), посвящённой населению Бухары, Магидович вновь обратился к теме сартов и их отношения к узбекам. Он писал, что «...наиболее спорный вопрос о взаимоотношениях узбеков с т. н. «сартами» <...> уже ликвидирован самой жизнью...»²⁴⁹. Далее он утверждал, что «...нет решительно никаких оснований утверждать, что под термином «сарт» в различное время подразумевалась одна и та же национальность или вообще какая-либо определённая национальность...»²⁵⁰. При этом автор почти дословно цитировал «контрреволюционера» Лапина: «...Материалы статистических переписей и обследований, начиная с 1897 г., подтверждают это заявление миллионами показаний самого населения. Смысл этих показаний был совершенно ясен: нет особого народа сарт, отличного от узбеков, и нет особого сартовского языка, отличного от узбекского...»²⁵¹.

Автор вновь доказывал своим безымянным оппонентам, что смена названия «сарт» на «узбек» — это вовсе не самоуправство советских политиков. Наоборот, это бывшие царские чиновники самоуправно записывали всех сартами: «...При каждой новой переписи или административном опросе в городах и селениях Ферганы и Ташкентского уезда, т. е. в «центрах сартовской оседлости», получалась совершенно иная пропорция «сартов» и узбеков, причём количество сартов катастрофически убывало. Несомненно, что во многих случаях применение того или иного термина зависело от предвзятой точки зрения регистраторов, действовавших иногда под влиянием «интересовавшихся этнографией» инструкторов или уездных начальников. Но очевидно также, что подобная неустойчивость в названиях могла существовать лишь потому, что само опрашиваемое оседлое тюркское население не видело никакого различия между словами «узбек» и «сарт», но охотнее называло себя первым именем...»²⁵². Далее Магидович писал, что вопрос об отказе от слова «сарт», «уже взвешенный судьбою», был окончательно разрешён историей через два года, когда была образована Узбекская республика, а само именование «сарт» продолжало встречаться очень редко и только потому, что местные жители прибегали к нему, «применяясь к пониманию русских регистраторов»²⁵³.

38, 41–43, 44)). Другими словами, если, например, для Ферганы проблемой была принадлежность сартов к узбекам, то для долины р. Зеравшан существовала другая проблема — правомерность отнесения к числу узбеков различных групп кочевое, полукочевое и оседлого тюркоязычного населения, узбеками себя не считающих, с одной стороны, и вроде бы узбеков, но говорящих по-таджикски, — с другой.

²⁴⁹ Магидович И. Население // Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. I. Бухара. Ташкент, 1926. С. 169.

²⁵⁰ Там же. С. 173.

²⁵¹ Там же. С. 174.

²⁵² Там же. С. 174.

²⁵³ Там же. С. 174.

Аргументы в пользу отказа от имени «сарт» привёл также И. И. Зарубин, который собирал материалы для своего анализа в Средней Азии в 1918–1919 гг.²⁵⁴ В работе «Список народностей Туркестанского края» (1925) он разделил «лингвистически» всё население на «иранскую» и «турецкую» группы²⁵⁵. О «таджиках» Зарубин писал, что «...С точки зрения культурной они ничем не отличаются от турецкой оседлой части населения края, лишённой родовых пережитков, известной в литературе под именем сартов и ныне составляющей основное ядро узбекской народности...»²⁵⁶. Однако автор специально отметил, что «Обычно термином таджик преимущественно подчёркивается языковая принадлежность субъекта»²⁵⁷. Таким образом, языковой признак, по мнению Зарубина, должен быть определяющим при составлении списка национальностей.

Об «узбекской народности» Зарубин писал, что она «...образовалась на глазах истории...»²⁵⁸. В число узбеков он включил и сартов, дав развёрнутое объяснение такому решению: «...Это — уже до узбеков турецкое по языку, иранское по происхождению — население, называвшееся и называемое и поныне узбеками и казаками именем сартов, нигде не создало для себя особого этнического определения...»²⁵⁹. Зарубин полагал, что, «...когда с ростом национального самосознания, понадобилось особое определение для развивающейся национальности, передовые слои²⁶⁰ сартского общества предпочли отбросить неприятный для них термин

²⁵⁴ Рассуждения Зарубина на тему состава населения Туркестана интересны ещё и тем, что их изложил член Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран, которая была создана в Санкт-Петербурге в 1917 г. и продолжила свою работу в начале 1920-х гг. при Академии наук. Комиссия эта фактически была одним из ведущих органов, который готовил список «народов» к переписи 1926 г. и предпринял первую попытку создать единую и «централизованную», т. е. обязательную для всех, номенклатуру народов и таким образом избавиться от многоголосицы и путаницы по этому вопросу. О комиссии и о спорах в комиссии по определению национального состава Средней Азии см. подробнее: *Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, London: Cornell University Press, 2005.* О Зарубине см.: *Рахимов Р. Р. Иван Иванович Зарубин (1887–1964) // Советская этнография. 1989, № 1.*

²⁵⁵ Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края. С. 5.

²⁵⁶ Там же. С. 6–7.

²⁵⁷ Там же. С. 7. Хотя Зарубину пришлось отметить и тот факт, что в некоторых случаях таджиками называют тюркоговорящее население.

²⁵⁸ Там же. С. 14.

²⁵⁹ Там же. С. 14–15.

²⁶⁰ В другой своей работе Зарубин приписал решение отказаться от термина «сарт» «руководящим кадрам узбекского народа» (*Зарубин И. И. Список народностей Союза Советских Социалистических Республик. Л., 1927. С. 33.*)

и принять исторически несвойственное им имя узбеков...»²⁶¹. Завершил российский этнограф так: «...При существующем ныне стремлении передовых кругов Туркестана к объединению вполне или почти оседлого турецкого населения края под именем узбеков, вполне основательным представляется мнение турколога А. Н. Самойловича о желательности устранения термина сарт из статистической терминологии и замены его именем узбек²⁶². В практическом отношении это может лишь ускорить формирование нарождающейся национальности, которой, несомненно, предстоит большое будущее...»²⁶³.

Из «Списка народностей Туркестанского края» видно, что в отличие от Магидовича Зарубин апеллировал не столько к народным массам, сколько к руководящей воле «туземной» элиты и к политической целесообразности.

В работе «Население Самаркандской области» (1926) Зарубин ещё более определённо отделил политический аспект «проблемы сартов» от научного. Указав на «неопределённость самого понятия сарт», автор повторил мысль о том, что «...Ныне наблюдается стремление к полному устранению этого обозначения, как термина национального, с заменой его в соответствующих случаях словом узбек, объединяя таким образом совершенно отуреченных иранцев в общеузбекской массе. Едва ли могут быть существенные возражения против такого расширенного [! — С. А.] понимания узбекской народности, раз оно желательно в целях национально-культурного объединения...»²⁶⁴. При этом Зарубин тут же добавил, что «в интересах научного анализа» «узбекскую национальность» можно разделить на составные части, в том числе выделить «отуреченных иранцев» в отдельную группу и обозначить её для практического удобства «чисто условным термином сарт»²⁶⁵.

²⁶¹ Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края. С. 15.

²⁶² Эта ссылка Зарубина на мнение другого члена Комиссии по изучению племенного состава населения России — А. Н. Самойловича — указывает на расстановку сил в научном мире. Ф. Хирш пишет, что именно Самойлович выступил против термина «сарты», тогда как Зарубин «был против исключения понятия» (*Hirsch F. Empire of Nations. P. 90.*) Причём в 1921–1922 гг. Самойлович посетил Среднюю Азию, где не только проводил исследования, но и активно участвовал в общественной и политической жизни. Возможно, его мнение учитывал Магидович, хотя никаких данных об этом нет. К сожалению, Самойлович публично в 20-е гг. с изложением своей позиции по проблеме сартов не выступал.

²⁶³ Там же. С. 21.

²⁶⁴ Зарубин И. И. Население Самаркандской области. Л., 1926. С. 20.

²⁶⁵ Там же. С. 20–21. Более осторожную позицию — по сравнению с Магидовичем — Зарубин занял и в вопросе о том, какие группы должны войти в состав узбеков кроме сартов. В частности, он не решился включить в их число тюрков и кашгарцев, заметив, что последние могут войти в отдельную национальность «уйгуры».

Итак, в начале 1920-х гг. сложился некий консенсус между политиками и учёными в вопросе о необходимости перезаписи всех бывших сартов узбеками. Политики сформулировали заказ — специалисты нашли аргументы в его обоснование. В тот момент этот альянс был для всех сторон отчасти вынужденным. Центральная власть вынуждена была легитимировать пантюркские настроения под ярлыком «узбеки». «Туземные» лидеры, включая бывших джадидов, вынуждены были отказаться от демонстративных протурецких лозунгов. Этнографы и статистики вынуждены были признать приоритет политической целесообразности над научным анализом.

«Проблема сартов» в 1920-е годы

Было бы неверно утверждать, что все были довольны принятым решением по поводу сартов и никто против него не возражал²⁶⁶. Я уже говорил, что свои сомнения очень мягко сформулировал Зарубин, который указал на преждевременность отказа от термина «сарт» в научных исследованиях. Схожей позиции, видимо, придерживались и многие другие учёные, хотя примеры открытого публичного оппонирования власти найти довольно сложно. Эти сомнения и нежелание упрощать этнографическую картину региона в угоду политикам оказались скрыты внутри научных текстов, и их можно обнаружить лишь при внимательном чтении.

Взять, например, статью М. Ф. Гаврилова «Этнографический обзор Туркестана» (1921)²⁶⁷. Он полагал, что население региона делится на две части — оседлую, которая по преимуществу относится «к иранской группе арийских народов», и кочевую, которая принадлежит к «тюрко-монгольским народам». При этом «...оседлое — преимущественно иранского происхождения (таджики), частью тюрко-монгольского (узбеки), с возможным для них в известной мере применением обобщающего термина — сарты, которых в отдельности следует всё же считать за представителей отуреченных иранцев...»²⁶⁸. Из этой фразы следует, что автор видел в «таджиках», «узбеках» и «сартах» («отуреченные иранцы») три самостоятельные группы. Правда, в той же статье Гаврилов писал, что большинство узбеков

²⁶⁶ А. Хауген в своей книге «Установление национальных республик в советской Средней Азии» (2003) обратил, в частности, внимание на то, что тему сартов и их отличия от узбеков в середине 20-х гг. поднимали казахские политики, которым важно было использовать этот факт в споре о принадлежности той или иной территории Казахстану или Узбекистану (*Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. P. 147–149.*)

²⁶⁷ Гаврилов М. Ф. Этнографический обзор Туркестана // Очерки хозяйственной жизни Туркесреспублики. Ташкент, 1921. С. 21–26.

²⁶⁸ Там же. С. 22.

населяют города и кишлаки Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей, где «...их называют иногда [!? — С. А.] сартами...»²⁶⁹. В данном случае он явно отдавал преимущество «узбекам».

Так же противоречиво писал известный этнограф и историк А. А. Семёнов в своей малоизвестной статье «К проблеме национального размежевания Средней Азии» (1924)²⁷⁰. Классифицируя народы, Семёнов выделил отдельно: 1) «турецкие племена», в число которых вошли узбеки, 2) «иранские народности», включая таджиков, 3) «семитов», а также 4) смешанное турецко-иранское оседлое население многих городов и селений — «так называемых сартов»²⁷¹. То есть Семёнов выделил сартов в отдельную группу, которая отличается от узбеков. Однако далее он произвёл операцию по их соединению: «...наибольшую по численности народностью являются узбеки — если причислить к ним и то смешанное ирано-турецкое население городов и селений (кишлаков), которое с отдалённых времён называлось сартами...»²⁷². Автор назвал эту группу «узбеко-сартами»²⁷³. О том, что Семёнов не особенно приветствовал смену названия «сарт» на «узбек», говорит и его осторожное добавление, что в слове «сарт» нет ничего обидного. А ведь именно «оскорбительным» значением этого имени объяснялась в то время необходимость отказа от него.

Сомнения в необходимости ставить знак равенства между узбеками и сартами высказывал другой туркестанский учёный-востоковед — В. Н. Кун. В статье «Изучение этнического состава Туркестана» (1924) он писал: «...обширная группа сартов под влиянием политических событий последних лет частично определяет себя как узбеков, но противопоставление физиологического типа, говора и факт отсутствия родового строя по совокупности достаточно удостоверяют их этническую принадлежность...»²⁷⁴.

Ещё один «старый туркестанец» — Н. Г. Маллицкий — в неоконченной и неопубликованной статье «О взаимоотношении названий “сарт” и “узбек”» (1925) писал, что в науке стало принято называть сартами «...оседлых тюрков и тюркизированных туземцев, которые совершенно утратили родовой быт...», тогда как в быту этим термином называли всех «...жителей городов и больших селений вообще, без различия того, на каком языке они говорят...»²⁷⁵. Маллицкий отмечал, что у населения

²⁶⁹ Там же. С. 23.

²⁷⁰ Семёнов А. А. К проблеме национального размежевания Средней Азии. (Историко-этнографический очерк) // Народное хозяйство Средней Азии. Ташкент, 1924. № 2–3. С. 26–40.

²⁷¹ Там же. С. 26.

²⁷² Там же. С. 37.

²⁷³ Там же. С. 39.

²⁷⁴ Кун В. Изучение этнического состава Туркестана // Новый Восток. Журнал научной ассоциации востоковедения Союза ССР. Книга 6-я. М., 1924. С. 353.

²⁷⁵ Маллицкий Н. Г. О взаимоотношении названий «сарт» и «узбек». Л. 29–30.

Ферганы и Ташкентского уезда слово «сарт» «...не заключало в себе никакого презрительного оттенка, и тюркизированное население не отвергало этого старинного наименования, хотя само чаще всего называло себя по имени того или другого города...», в Ходженге же, Самарканде и Бухаре «...слово “сарт”, прилагавшееся ко всей массе покорённого узбеками оседлого населения, получило несколько презрительное значение...»²⁷⁶.

Маллицкий писал о названии «узбеки»: «...Особенно широко стало распространяться новое национальное имя с первых дней революции, как символ политического освобождения...»²⁷⁷. По мнению автора, «невыгода нового национального имени» состоит в том, что жители-сарты Кашгара, Яркенда и Хотана (городов Восточного Туркестана, или китайского Синьцзяна), на которых никак нельзя («ненаучно») распространять термин «узбеки» (так как узбеки в этих землях никогда не правили), в результате переименований окажутся оторванными от жителей Ташкента и Ферганы, с которыми они схожи «с этнологической точки зрения». Правда, Маллицкий тут же изложил более оптимистическую позицию: «...нет сомнений, что единство языка, невзирая на диалектологические различия, в связи с единообразием духовной и материальной культуры, рано или поздно поведёт к объединению всего говорящего по-тюркски оседлого населения, как в Западном, так и в Восточном Туркестане, и нет ничего невероятного в том, что общим национальным именем делается имя узбеков...»²⁷⁸.

Наконец, стоит упомянуть точку зрения В. В. Бартольда на проблему «сартов». В 1920-е гг. им была, в частности, написана специальная статья «Сарт» для «Энциклопедии ислама». В ней Бартольд повторил тезисы своих предыдущих работ, написанных по ходу и по результатам спора с Лапиным, еще больше смягчив свои формулировки: «...После завоевания Туркестана узбеками противоположность между узбеками и покорённым оседлым населением, по-видимому, иногда должна была ощущаться сильнее, чем противоположность между тюрками и таджиками (или сартами) <...>. Менее отчётливым было это противопоставление в Бухаре и Коканде <...>. Для казака каждый оседлый житель был сартом, независимо от того, говорил ли он на тюркском или иранском языке; в официальном языке словом сарт, по-видимому, обозначалось тюркизированное оседлое население в противоположность таджикам, которые сохранили свой иранский язык <...>. То же самое словоупотребление было принято европейскими учёными, несмотря на то, что было трудно определить различие между сартом и узбеком...»²⁷⁹. Далее Бартольд писал, выступая в роли критика национального размежевания: «...Оседлый житель Сред-

²⁷⁶ Там же. Л.32.

²⁷⁷ Там же. Л.33.

²⁷⁸ Там же. Л.34.

²⁷⁹ Бартольд В. В. Сарт // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Часть 2. С. 528.

ней Азии чувствует себя в первую очередь мусульманином, а затем уже жителем определённого города или местности; мысль о принадлежности к определённому народу не имеет для него никакого значения. Лишь в новейшее время под влиянием европейской культуры (через посредство России) возникло стремление к национальному единству. Слово сарт <...> ныне изгнано из употребления; сейчас признаётся только узбекская национальность в противоположность казакской, туркменской и таджикской национальностям...»²⁸⁰.

В статье «Таджики» в сборнике «Таджикистан» (1925) Бартольд, который оставался действующим сотрудником Академии наук СССР и экспертом Комиссии по изучению племенного состава, повторил свои размышления о сартах, но в несколько иной редакции: «...В XIX в. слово сарт употреблялось часто кокандскими историками, причём неоднократно упоминаются вместе “узбеки, таджики и сарты”; сарты, следовательно, отличались от таджиков, но понимали ли под словом сарт исключительно отороченную часть местного оседлого населения (такое значение стремились присвоить слову сарт представители европейской и русской науки), из слов историков не видно. Часто и в Фергане в смысле “всё население” употреблялось выражение “узбеки и сарты”, т. е. сарты более определённо отличались от узбеков, чем от таджиков...». Далее, сославшись на Наливкина, Бартольд повторил точку зрения последнего о том, что сартами называют оседлых узбеков и таджиков, но поскольку в Фергане сарты-узбеки преобладают над сартами-таджиками, то «сартовским» надо называть преимущественно «тюркский» язык: «...Вообще по мере перехода узбеков к оседлости сартам стали противопоставлять уже не узбеков, как прежде, а казаков. В новейшее время слово сарт признано оскорбительным для туземцев и исключено из употребления...»²⁸¹.

Наконец, в проекте инструкции по переписи населения 1926 г. Бартольд констатировал, что «...Термин сарт, вероятно, не будет допущен [!! — С. А.] переписью. Но, несомненно, будет много случаев, когда население назовёт себя сартами (в отдельных случаях или в целых районах). В таких случаях

²⁸⁰ Там же. С. 528–529. Бартольд был противником национально-государственного размежевания, что видно из одной его записки. Он писал в ней: «...Национальный принцип в том виде, как он был проведён в жизнь при национально-государственном размежевании Средней Азии в 1924 г., был выработан западно-европейской историей XIX века и совершенно чужд местным историческим традициям...» (В. В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии // Восток. 1991, № 5. С. 165). При этом учёный всё-таки признавал, что «...под влиянием общей европеизации Востока усвоенные из Европы принципы иногда оказываются сильнее местных традиций...» (Там же. С. 166).

²⁸¹ Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 462.

желательно, отнеся этих субъектов к узбекской народности, в скобках помещать название сарт в качестве дополнительного...»²⁸².

Все эти выдержки из бартольдовских работ указывают на то, что автор не отступил от своей позиции, которую он отстаивал в споре с Лапиным два с половиной десятилетия ранее. Главное утверждение Бартольда — сарты в основе имеют иранское происхождение. Тот факт, что сегодня они говорят на тюркском языке, с его точки зрения, не принципиален. Более важно, что исторические корни этого населения и история самого термина мало связаны с тюрками вообще и узбеками в особенности. Сохранить «сартовскую» идентичность — пусть даже в виде приписки к имени «узбек» — значит, отдать должное научной истине, которая не должна подлаживаться под политическую конъюнктуру. Правда, все свои аргументы Бартольд берёт из прошлого. Этнографические или антропологические доказательства он не использует. И именно это было его «ахиллесовой пятой».

Комментируя возражения академического сообщества²⁸³, один из советских идеологов, некто М. Немченко, в работе «Национальное размежевание Средней Азии» (1925) писал, что «...национальный момент не имел никакого значения в феодальной Средней Азии. Это, между прочим, сказалося на отношении русских ориенталистов-историков — знакомых лучше с прошлым страны, чем с настоящим, — к национальному разграничению, для которого они не могут отыскать в истории необходимых национальных предпосылок...»²⁸⁴. Взгляды ориенталистов-историков Немченко назвал «ошибочными» и «анахроничными»: «...Национальное самосознание, тем

²⁸² Цитируется по: *Туманович Н. Н.* Описание архива академика В. В. Бартольда // И. И. Умяков, Н. Н. Туманович. Аннотированная библиография трудов В. В. Бартольда. Описание архива академика В. В. Бартольда. М., 1976. С. 351. В этой записке Бартольд писал: «...Может возникнуть затруднение при определении национальной принадлежности субъекта в тех случаях, когда национальное самосознание затемнено или замещено территориальным, родовым, племенным или религиозным. В отдельных случаях вследствие близости национальных групп может возникнуть сомнение, к какой народности следует отнести субъекта...» (Там же. С. 350). Фактически Бартольд предлагал фиксировать при переписи множественную идентичность: при определении, таджик это или ирани, отмечать «религию субъекта» (суннит он или шиит); у узбеков «непременно» уточнять название рода; у каракалпаков и «турков» спрашивать, считают ли они себя узбеками, и в любом случае фиксировать в скобках их каракалпакскую и «туркскую» принадлежность; то же самое делать с «кыпчаками», уточняя, называют ли они себя узбеками или кыргызами и т. д. (Там же. С. 350–351).

²⁸³ Стоит сказать, что в дискуссии о замене термина «сарты» термином «узбеки» не принимал участия самый последовательный и самый авторитетный сторонник первого названия — Н. П. Остроумов, который в конце 1917 г. вынужден был покинуть Туркестан и вернулся обратно в начале 1920-х гг.

²⁸⁴ *Немченко М.* Национальное размежевание Средней Азии. М., 1925. С. 4.

более стремление к национальному самоопределению, не есть готовый продукт самого факта наличия купно живущих людей, говорящих на одном языке, исповедывающих одну религию и принадлежащих к одному племени или одной группе племён...»²⁸⁵. Появление «нации» — это не только результат научного анализа каких-то объективных признаков, но и политический выбор, который не может и не должен быть ограничен какими-то формальными критериями.

Учёные старой закалки пытались, таким образом, указать власти, что её поспешные решения противоречат науке, но в ответ услышали — политическая целесообразность и политическая воля важнее академической мудрёности²⁸⁶. Напомню, что нечто подобное, хотя не в такой радикальной форме, когда-то проповедовал Н. П. Остроумов, человек, который был своеобразным посредником между имперской наукой и колониальной властью в Туркестане.

Перепись 1926 года: впервые без сартов

Попытки начала 1920-х гг. создать новую классификацию национальностей теперь уже «советской» Средней Азии возвращали участников этого процесса к тем же вопросам и проблемам в самом этнографическом «видении» региона, которые были поставлены и не решены в Российской империи. В этом смысле советская власть, на словах отрицая наследие предыдущего периода, являлась вполне законным преемником прежней власти, используя все институты, технологии и дискурсы последней. Однако из этого я не стал бы делать вывод о том, что 1917 г. — это искусственный исторический водораздел и что СССР — это слегка подправленное переиздание Российской империи. Революция и революционное время привнесли в общественные отношения и в общественное сознание совершенно новые правила игры. В частности, советская власть «перекодировала» все статусы, связи, привилегии и иерархии, создав новую систему социальных координат²⁸⁷, в которой «национальность» стала играть одну из ключевых ролей. Реформы 20-х годов прошлого столетия привели

²⁸⁵ Там же. С. 3.

²⁸⁶ Впрочем, вопрос о наличии у узбекской нации общих национальных признаков — языка, культуры, общей истории, самосознания, даже антропологического облика и пр. — никуда не исчез. В советское время прилагались огромные усилия, чтобы доказать, что такое соответствие существовало и существует, но сомнения всё равно остались.

²⁸⁷ См., например: *Фицпатрик Ш.* «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара, 2001.

к тому, что национальные классификации из умозрительных конструкций, которые время от времени — локально и ведомственно — использовались властью, превратились в один из основополагающих принципов внутреннего устройства и в один из основных инструментов управления новым государством.

Весной 1924 г. ЦК РКП(б) по согласованию с местными лидерами принял политическое решение о национально-государственном размежевании Средней Азии²⁸⁸. Тут же, в течение одного года, оно было реализовано. К 1925 г. административная карта региона была кардинально переделана. Туркестанская, Бухарская и Хорезмская республики ликвидировались, а на их месте были созданы две новые — Узбекистан и Туркменистан, часть территорий перешла к уже существовавшей Киргизской (позднее Казахской) автономной республике, входившей в свою очередь в Российскую федерацию. Образовались также автономная Таджикская республика (с автономной областью Горный Бадахшан), которая включалась в состав Узбекистана²⁸⁹, автономная Кара-калпакская и автономная Кара-киргизская (позднее Киргизская) области, которые были присоединены к Казахской автономной республике²⁹⁰.

²⁸⁸ Идея построения государств Средней Азии по национальному признаку возникла в 1920 г. и овладела умами советской элиты к 1923 г. (и не на пустом месте — создание национальных автономий на территории бывшей империи началось с момента её распада, сначала в западных и центральных регионах). Уже тогда в составе Бухарской Народной Советской Республики была образована Туркменская автономная область и такая же область была создана в составе Туркестанской АССР. В том же 1923 г. появилась масса разнообразных проектов перекройки карты региона.

²⁸⁹ В данной статье мы не будем затрагивать отдельный вопрос, как уже в советское время продолжала развиваться дискуссия по поводу взаимоотношений между узбеками и таджиками, как и в связи с чем было, в частности, принято решение в 1929 г. о создании отдельной Таджикской ССР. Можно лишь указать, что в середине 1920-х гг. из числа бывших джадидов-тюркистов в результате ожесточённой борьбы разных группировок выделилась и структурировалась новая «таджикская элита», которая сформулировала «большой таджикский проект», альтернативный «узбекскому», и попыталась включить в этот проект значительную часть среднеазиатского населения, в том числе бывших сартов. В какой-то момент — на рубеже 1920–1930-х гг. — у этого проекта были определённые шансы реализоваться, но в итоге «таджикский проект», в отличие от «узбекского», так и остался лишь заманчивой конструкцией (см. подробнее главу 5).

²⁹⁰ Позднее административный статус и границы этих образований претерпели изменения — Казахстан, Таджикистан и Киргизия стали самостоятельными союзными республиками. Каракалпакия стала автономной республикой в составе Узбекистана. Подробнее о национальном размежевании в Средней Азии см.: *Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia.*

Новые государства — как видно из их названий — были объявлены «национальными», что означало создание официальной номенклатуры и иерархии среднеазиатских народов. Главными национальностями стали «узбеки», «туркмены» и «казахи» (сначала «киргизы»), национальностями второго и третьего уровней — «таджики», «каракалпаки» и «киргизы» (тогда «кара-киргизы», ныне «кыргызы») ²⁹¹. К ещё более низкому уровню были отнесены прочие мелкие национальности, список которых был аморфным и постоянно уточнялся. Последние получили элементы культурной и административной автономии в рамках районных и поселковых институтов.

Крупнейшим государством региона стала Узбекская ССР, создание которой было последней точкой в цепи компромиссов и соглашений, заключённых между большевиками и «туземной» элитой. Выбор титульного имени «узбек» для обозначения национального государства устраивал обе стороны. Как я уже говорил, большевики рассматривали это в качестве отступления от радикального пантюркизма, местные же лидеры, включая джадидов, наконец-то получали в свои руки вожденное ими большое тюркское пространство для воплощения своих культурных замыслов. Лёгкость, с которой последние расстались с именем «сарт», вполне вписывалась в сложную конструкцию новой нации, где не должно было остаться места любым намёкам на иранский элемент ²⁹² и имперский колониализм. К тому же во главе нового государства встали младобухарцы, т. е. выходцы из Бухары, для которых термин «сарт» был исторически чужд ²⁹³.

Создание узбекской государственности ещё не означало, что все новые граждане Узбекистана сразу почувствовали себя узбеками. На повестку дня встал вопрос о приведении в действие технологий, с помощью которых

²⁹¹ Есть основания думать, что такое деление на разные уровни подразумевало возможность в будущем национальностям более низкого уровня влиться в национальности более высокого уровня.

²⁹² Некоторые влиятельные джадиды (например, Абдурауф Фитрат) после 1917 г. предлагали называть эту часть турецкой общности, точнее её язык, термином «чагатайский». Однако термин «узбек», как более популярное обозначение региональной особенности пантюркизма, легко и быстро оттеснил термин «чагатай» (см.: *Baldauf I. Some Thoughts on the Making.* P. 83–86).

²⁹³ См.: *Komatsu H. The Evolution of Group Identity among Bukharan Intellectuals in 1911–1928: An Overview // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. Tokyo, 1989, № 47; Obiya Ch. When Faizulla Khojaev Decided to Be an Uzbek // Islam in Politics in Russia and Central Asia (early eighteenth to late twentieth centuries) / S. A. Dudoignon and H. Komatsu (Eds.). London, N. Y., Bahrain: Kegan Paul, 2001. В среде туркестанских джадидов большую роль играли выходцы из Самарканда, где ситуация относительно имени «сартов» была такой же, как и в Бухаре. Кстати, с 1924 по 1930 гг. столицей вновь образованного Узбекистана был город Самарканд.*

можно было решить эту задачу. Одной из таких технологий стала Всесоюзная перепись 1926 г.²⁹⁴

Целью прежних попыток классифицировать население Средней Азии, была необходимость упорядочить знание о регионе, концептуально «завоевать» его и включить в общее пространство империи, а через неё — в общую картину мира. Имперская модель этнографического описания была «колонизирующей», для неё были интересны «типы», или «типажи», которые представляли тот или иной народ. Вопрос о том, к какому «типажу» каждый конкретный человек относится, был несущественным, второстепенным. В 1920-е гг., после большевистской революции, сформировалась новая модель взаимодействия власти и знания — «государствообразующая». Этнографические классификации отныне должны были выполнять функцию «концептуального переустройства» Средней Азии, они должны были превратить научные категории в социально-административные статусы и в реальные идентичности²⁹⁵. Во главу угла встал вопрос о том, как «прикрепить» ту или иную категорию к каждому отдельному человеку. Перепись, которая сама по себе подразумевает лишь соотнесение человека с той или иной категорией, стала выполнять, наряду с другими институтами, и ещё одну важную функцию: донесение утверждённой классификации до каждого отдельного члена общества, т. е. превращение умозрительных конструкций в реальное самосознание людей.

Всесоюзная перепись 1926 г. впервые, минуя посредников в лице местных чиновников и глав семей, обращалась персонально к каждому жителю Средней Азии с вопросом о его «народности»²⁹⁶. Вопрос о «народности»,

²⁹⁴ См.: *Abramson D. Identity counts: the Soviet legacy and the census in Uzbekistan // Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses / D. I. Kertzer and D. Arel (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2001.*

²⁹⁵ Эта модель хорошо проанализирована в статье Ю. Слёзкина «СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность» (Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001). См. также новые исследования: *Martin T. The Affirmative Action Empire: Nation and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2001; A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / R. G. Suny and T. Martin (Eds.). N. Y.: Oxford University Press, 2001; Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // Ab Imperio. 2002, № 2; см. также упомянутую книгу Ф. Хирш «Империя наций» (2005): *Hirsch F. Empire of Nations. К сказанному этими авторами можно добавить, что было бы неверно оценивать эту модель как «ошибочную или преступную» — она была результатом определённого консенсуса разных интересов, как они тогда понимались, и открывала новые возможности для социальной мобильности в обществе.**

²⁹⁶ В случае споров о национальной принадлежности ребёнка записывалась «народность» матери. Вопрос о «родном языке» был оставлен в качестве контрольного.

по идее организаторов подсчёта, должен был бы указать человеку, что речь идёт о его этнической, а не гражданской принадлежности. Но в Средней Азии это условие не было выполнено. Переведенное на узбекский язык, слово «народность» в переписном листе звучало как «миллат», тогда как своё этническое (племенное) происхождение люди привыкли обозначать термином «кау», поэтому ответ «узбек», как указание на принадлежность к Узбекистану, был отчасти запрограммирован в самой процедуре переписи. Кроме того, для подсказки «правильного» ответа проводилась активная агитационная работа²⁹⁷.

Новые функции переписи предъявили дополнительные требования к способу обработки собранного материала. Изменился механизм формирования списков национальностей. Если прежние переписи характеризовались множественностью центров выработки номенклатуры (МВД и ВМ, Центр и местные статистические органы, академические учёные и исследователи-энтузиасты), то теперь эта процедура становилась всё более централизованной и регламентированной. Причём Центр приобрёл не просто более высокий авторитет, но исключительное право на окончательное решение, которое уже не могло подвергаться сомнению. Все полученные в ходе переписи данные о самоназваниях среднеазиатского населения были приведены в соответствие с утверждённым в высших инстанциях списком народов СССР. Незарегистрированные имена, в том числе «сарт», выбрасывались и заменялись зарегистрированными — так это предписывала единая инструкция²⁹⁸. Все дебаты на эти темы были прекращены.

Предварительные итоги переписи по Узбекистану были опубликованы очень быстро — уже в 1927 г.²⁹⁹ Комментарии к ним подготовил зав. отде-

²⁹⁷ *Рахимов Р. Р. К вопросу о современных таджикско-узбекских межнациональных отношениях // Этнографическое обозрение. 1991, № 1. С. 16. Результаты переписи 1926 г. были подвергнуты критике, в частности, новоиспечёнными таджикскими лидерами. Ученик Остроумова, бывший член «Совета ислама», позднее ответственный секретарь ЦК компартии Туркестана, активный участник национального размежевания, закончивший свою карьеру на посту председателя СНК Таджикской ССР, А. Рахимбоев утверждал: «...Я докажу и скажу, что перепись 1926 г. по Узбекистану — чушь...» (см.: *Масов Р. История топорного разделения. Душанбе, 1991. С. 117*). Тем не менее результаты переписи были официальным, заверённым центральными органами, документом, на основании которого рассматривались и принимались решения.*

²⁹⁸ Впрочем, созданный инструмент для отсеивания ненужных имён был применён только для сартов. Большинство других племён из имперских этнографических классификаций перекочевали в советские. В список народов 1926 г. были щедро включены и многие новые группы. В этом смысле перепись 1926 г. носила переходный характер. Уже при проведении следующих переписей советская власть в полной мере воспользовалась возможностью вычеркнуть «лишние» народы.

²⁹⁹ См.: *Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года в Узбекской ССР. Вып. 1. Поселенные итоги. Самарканд, 1927.*

лом демографии (или зав. сектором социальной статистики) Центрального статистического управления Узбекской ССР Б. Ф. Морозов. Об узбеках, составляющих «преобладающую народность Узбекистана», он писал: они «...утвердились на территории Средней Азии в XVI веке после р. х. Некогда кочевники, занимавшиеся скотоводством и кочевавшие по северным степям и пескам Средней Азии, они в настоящее время совершенно осели и занимаются, главным образом, земледелием...»³⁰⁰. О сартах Морозов не сказал ни слова, но упомянул таджиков, которые «...с незапамятных времён населяют Среднюю Азию и некогда составляли в ней основную массу оседлого земледельческого населения и лишь позднее были оттеснены в горы надвигающимися из степей кочевниками...»³⁰¹.

Начиная с 1926 г. сарты окончательно исчезли с этнографической карты Средней Азии.

Известный специалист по узбекскому языку Е. Д. Поливанов, который в 1920-е гг. работал в Средней Азии и активно участвовал в национально-государственном размежевании, в работе «Этнографическая характеристика узбеков» (1926) подвёл итоги всех смысловых изменений имени «сарт» в начале XX в.: «...термин “сарт” — это единственный более или менее общеизвестный термин этнического значения, распространённый среди оседлых узбеков. И значит, смысловую эволюцию — в виде перехода значения слова “сарт” от социально-экономического <...> к этническому <...> — надо считать осуществившейся <...>. Тут вполне законен вопрос: почему же революционная интеллигенция Узбекистана не взяла слово “сарт” для обозначения узбекской национальности? Почему, следовательно, мы имеем сейчас не “Сартскую”, а “Узбекскую” С.С. Республику? По-моему, тут нужно учитывать два обстоятельства: во-первых, именно турецкую (тюркскую) окраску узбекского национализма <...>, а термин “узбек” именно и связан с историческими традициями турецкого племени <...> — чего нельзя сказать о термине “сарт” <...>. Во-вторых, термин “сарт” ассоциируется с недоброй памяти эпохой русской царистской колонизации <...> и потому есть слово осуждённое. К тому же надо прибавить ещё презрительную <...> народную этимологию <...>, производящую “сарт” от “сары ит” <...>, что значит “жёлтая собака”...»³⁰².

³⁰⁰ Морозов Б. Ф. Население Узбекистана (без Таджикистана) по материалам Всесоюзной переписи 1926 года // Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года в Узбекской ССР. С. XX.

³⁰¹ Там же. С. XXI.

³⁰² Поливанов Е. Д. Этнографическая характеристика узбеков. Вып. I. Происхождение и наименование узбеков. Ташкент, 1926. С. 17–18. Примерно то же пишет и современная немецкая исследовательница И. Балдауф: «...Возможно, “узбек” был термином, наименее связанным с предшествующими идеологическими и политическими значениями, “тюрк” был подозрителен из-за “тюркизма”,

Заключение

В конце главы я возвращаюсь к одному из главных утверждений британского историка Б. Андерсона в книге «Воображаемые сообщества» о том, что империя вообразила нации до того, как возник национализм, и что через имперское административное проникновение эти национальные идентичности были «реифицированы», т. е. превращены в осязаемую реальность.

Мы видим, что пример сартов не вполне вписывается в эту схему. Российские чиновники и учёные действительно в своём административном и научном воображении создали народность под именем «сарты», и эта идентичность, благодаря, с одной стороны, активному её продвижению некоторыми влиятельными колониальными деятелями и, с другой стороны, инерции и привычке к этому названию, стала обретать какие-то социальные формы. Однако, во-первых, этот процесс со стороны имперской власти не был до конца осознанным и спланированным (чего Андерсон и не отрицает), в нём принимали участие силы, которые говорили от имени государства, но вовсе не имели на него монополию. Имперская власть в России была неоднородной, в ней самой были представлены разные интересы и рассматривались разные проекты будущего, велась порой интенсивная дискуссия, а иногда проявлялись нерешительность и боязнь перемен.

Каждый участник спора о сартах смотрел на них со своей собственной колокольни — с учётом своего образования, профессии, места проживания, социального статуса и идеологических предпочтений. Говоря образно, у каждого был свой знакомый сарт, на котором он проверял свои взгляды. Единства мнений не было, да и не могло быть, потому что не существовало такой инстанции, которая могла это единство утвердить. «Сарты» так и остались в той этнографической классификации, которую пытались придумать чиновники и учёные, незавершённой, неоднозначной и не вполне легитимной категорией.

Во-вторых, что ещё важнее, в момент краха Российской империи вся та картина, которая на протяжении десятков лет, как казалось, доминировала, была в мгновение ока разрушена. Политический, основанный на взаимных компромиссах, альянс большевиков (и вообще левых сил) с местными националистами-реформаторами привёл к созданию совершенно новой классификации среднеазиатских народов, которая по разным причинам,

«чагатай» — из-за «туркестанизма», «сарт» — из-за русского великодержавного шовинизма, а «мусульманин» — по очевидным соображениям <...>. Возможно, позитивные значения, которые исторически были связаны с “узбеками”, сильно влияли в пользу этого термина...» (Baldauf I. Some Thoughts on the Making. P.91–92).

перечисленным выше, больше устраивала стороны этого союза. Термину «сарт» в этой конструкции не было места, и он был легко принесён в жертву сиюминутным политическим обстоятельствам. Далее история развивалась так, как она развивалась: Средняя Азия была поделена между пятью «титульными» нациями, которые спустя почти семьдесят лет обрели статус национальных независимых государств.

Если согласно Андерсону именно на империях лежало бремя воображения и «реификации» наций на своих колониальных окраинах, то приходится констатировать, что Российская империя справилась с такой задачей лишь частично — а эту миссию с гораздо большим усердием продолжил и завершил Советский Союз.

Но эти особенности российского случая не ставят под сомнение общую концепцию Андерсона. С сартами или без них, этнографическая классификация народов Средней Азии создавалась прежде всего как имперский взгляд на регион, где этнические деления либо вовсе отсутствовали, либо были в эмбриональном состоянии. При непосредственном участии России в безэтническом обществе сформировалась «грамматика» будущих среднеазиатских национальностей. Хотя «сарты» не стали нацией, «проблема сартов» послужила своеобразной лабораторией учёным, чиновникам, а потом и «туземным» интеллектуалам для обсуждения аргументов и подходов, которые были впоследствии использованы в национальных проектах. В этнографической карте Средней Азии, воображенной и нарисованной Российской империей, произошли некоторые изменения, но сами подходы, с помощью которых наполнялось её содержание, в результате были заимствованы советской и современными постсоветскими идеологиями.

Памятник Исмаилу Самани в Душанбе.
(Фото автора)

Памятник Амиру Темуру в Ташкенте.
(Фото автора)